

Редактор Качалкина

Алексей Слаповский
Гений

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Слаповский А. И.

Гений / А. И. Слаповский — «РИПОЛ Классик»,
2016 — (Редактор Качалкина)

События разворачиваются в вымышленном поселке, который поделен русско-украинской границей на востоке Украины, рядом с зоной боевых действий. Туда приезжает к своему брату странный человек Евгений, который говорит о себе в третьем лице и называет себя гением. Он одновременно и безумен, и мудр. Он растолковывает людям их мысли и поступки. Все растерялись в этом мире, все видят в себе именно то, что увидел Евгений. А он влюбляется в красавицу Светлану, у которой есть жених... Слаповский называет свой метод «ироническим романтизмом», это скорее – трагикомедия в прозе. Смешное и страшное соседствуют, как часто бывает во время переломных моментов истории. Слаповский умудряется быть одновременно и сатириком, и лириком, и психологом, создав стилистику, которая позволяет глубоко заглядывать в помыслы людей, но при этом избежать тяжеловесности. Несмотря на уникальность фона, каждый читатель может увидеть и узнать что-то свое в мятущихся героях, которые ищут любовь, справедливость, счастье, а главное – самих себя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Слаповский А. И., 2016

© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Том первый	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	57
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алексей Слаповский

Гений

© Слаповский А. М., текст, 2016

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Том первый

Глава 1

Хто дивак, у того все абияк

1

Два жителя поселка Грежин лежали на траве в тени забора, пили пиво из двухлитровой пластиковой бутылки, размеренно передавая ее друг другу, и спокойно молчали.

А можно сказать и так.

Два мешканця селища Грежина лежали на траві в тіні паркану, пили пиво із дволітрового пластикового бутля, розмірено передаючи його один одному, і спокійно мовчали.

Сказать так можно потому, что один из них являлся гражданином России, а другой – Украины. Фамилия российского гражданина была Жовтюк, обитал он на восточной стороне улицы Мира, по которой проходила граница между двумя суверенными государствами, а его друг-украинец Иванов проживал на западной стороне.

Это показалось бы выдумкой, да еще и дурной выдумкой, если бы сочинил подобную историю какой-нибудь автор, но разделение произошло в самой жизни; сначала оно людей смешило, потом огорчало, а потом привыкли.

И даже стали извлекать пользу. Официальные пограничные посты расположены в других местах, улицу Мира перегордить невозможно, учитывая двустороннее движение транспорта и неизбежное нарушение границы, вот и ходят из России в Украину за картошкой, молоком, водкой и другими повседневными продуктами, которые там дешевле, а из Украины в Россию – за бензином и соляной, эти предметы первой необходимости дешевле в России, по крайней мере, таковыми они были на описываемый исторический момент. Российских детей родители отдают в украинский детский сад, потому что свой далековато, зато украинские дети посещают российскую музыкальную школу, она на весь Грежин одна. Конечно, контрольный режим соблюдается, погранично-таможенные патрули и наряды регулярно ездят, часто совместно, но вылавливают они чужих, не грежинских, своих же по негласному уговору не трогают. И как их тронуть, если изрядная часть грежинцев зарабатывает на жизнь контрабандой, горделиво именуя себя «контрабасами», что одинаково звучит на обоих языках.

Уважая должностную обремененность пограничников, которые им кто сват, кто кум, кто племянник, местные обыватели старались не нагнать, не переходить границу на виду у патрулей. Или пробирались под покровом ночи, в чем, строго говоря, не было необходимости, зато были игра, азарт, ставка на фарт, а без игры никакой человек жить не может в самых печальных обстоятельствах.

Вот и Жовтюк с Ивановым, степенно опохмеляясь после вчерашней дружеской посиделки, явившейся, в свою очередь, следствием посиделки позавчерашней, играли в бдительность: они смотрели на пустырь, который раньше был площадью, и ждали каких-нибудь нарушителей с той или другой стороны, чтобы уличить и пригрозить санкциями. Само собой, эти санкции никого бы не испугали, будь даже на месте Жовтюка с Ивановым настоящие пограничники, зато друзья могли почувствовать, что исполняют свой долг и проявляют общественную активность, а значит, выпивают не просто так – заслуженно. И это гораздо приятнее, чем выпивать без повода.

---

¹ Кто чудак, у того все кое-как. Здесь и далее названиями глав служат украинские пословицы. – *Прим. автора.*

Но в тот знойный полдень никто не появлялся, только одинокая курица бродила около памятника Ленину, с каждым своим шагом то и дело пересекая невидимую границу. Сам памятник примечателен: когда Грежин был единой частью страны, очень условно поделенной на республики, Ленина ежегодно красили белой краской, клали к постаменту по праздникам цветы, а в лихое время перемен сторяча хотели снести, но не успели. У нас, если что не сделано сразу, не делается никогда или с большим опозданием, вот памятник и остался; левая его половина принадлежала России, а правая, с указующей куда-то рукой, досталась Украине; руку эту лет десять назад кто-то отшиб, но Ленин обломком предплечья продолжал упрямо показывать вперед.

Солнце поднималось все выше, тень укорачивалась, подбираясь своим краем к ногам Иванова и Жовтюка, когда на площадь въехал небольшой автобус местного значения. Он сделал полный круг – словно круг почета, словно праздновал победу не над какими-то соперниками, а над пространством и самим собой, торжествуя, что доехал. И вот он со скрежетом затормозил и остановился возле памятника. Вздохнув поршнем и лязгнув створками, открылась дверь, и вышел странный человек в военной форме старого образца: гимнастерка с металлическими пуговками у ворота, подпоясанная широким ремнем со звездой на бляхе, штаны-галифе. На ногах походные зашнурованные ботинки, за плечами рюкзак.

Автобус уехал, человек огляделся.

– Стой, кто идет! – окликнул Иванов.

Человек улыбнулся и направился к друзьям. Встав над ними, он поднес ко рту коробочку, что была у него в руке, нажал на кнопку и сказал:

– Евгений увидел местных жителей с доброжелательными лицами, которые пили пиво, о котором известно, что оно содержит вещества, которые вызывают изменения ДНК, рак, болезнь Паркинсона, слепоту. Возможен смертельный исход.

Друзей не испугал возможный смертельный исход, они смотрели на приезжего хладнокровно и как бы даже свысока, хотя находились ниже его. Известный парадокс: чем меньше человек видел на своем веку, тем сложнее его озадачить. Если перенести его фантастическим образом на Ниагарский водопад или к египетским пирамидам, он будет смотреть со снисходительной усмешкой, а то и с упреком: зачем нужна природе и людям эта громоздкая трата воды и камней? А вот если, например, из рук выскользнет бутылка пива или, тем более, водки и, упав на асфальт, не разобьется, это будет восприниматься как настоящее, серьезное чудо, о нем будут со счастливыми улыбками рассказывать спустя месяцы и годы друзьям, детям и внукам, а слушающие будут ахать, всплескивать руками и тоже озаряться улыбками: надо же! И это понятно, чудо с бутылкой имеет отношение к их обычной, собственной жизни, в отличие от водопадов и пирамид, следовательно, и в собственной жизни возможны чудеса. И это повышает самоуважение.

Полувоенный человек продолжил:

– Евгений приветливо улыбнулся мужчинам и представился.

После этого он опустил коробочку и исполнил то, о чем предупредил: улыбнулся и представился.

– Меня зовут Евгений, – сказал он. – Я из села Пухово. Мама была учительницей, я с ней жил, она умерла. Я потом жил с тетей Олей, но она не смогла со мной жить. Она сказала ехать сюда. Тут у меня живет младший брат по отцу, Аркадий Емельяненко. Я буду у него жить. И буду искать женщину, чтобы жениться, потому что я не могу быть один.

Помолчав и обдумав сказанное, Евгений поднес коробочку ко рту и прокомментировал:

– Евгений не стеснялся говорить о себе правду, это выдавало в нем необычайную простоту души, которая часто потрясала окружающих.

Возможно, простота души полувоенного человека действительно потрясла окружающих, то есть Иванова и Жовтюка, но на их лицах это не отразилось. Жовтюк лениво спросил:

– Что ль ты псих?

– В обычном смысле можно сказать и так, – не стал спорить Евгений. – Но в смысле индивидуальном все дело в особенностях ума, которые у меня отличаются своими отличиями в сторону нестандартности.

– Выпей – пройдет, – посоветовал Иванов.

И протянул бутылку.

Евгений медлил.

Он обратился к коробочке:

– Как всегда, Евгения терзали сомнения. С одной стороны, он не любил спиртные напитки и связанные с ними ощущения, с другой, он был приезжим, то есть гостем, отказаться было неудобно. К тому же могли подумать, что Евгений считает себя выше других, а он, хотя втайне так иногда считал, на самом деле уважал и любил других людей.

Он взял бутылку и приложился, причем с явным удовольствием, что противоречило его отзыву о спиртных напитках. Сделал несколько глотков и вернул пиво владельцам.

– Спасибо.

– Не за что, – отозвался Иванов. – Пухово у нас где, там или здесь?

Он указал сперва большим пальцем за спину, а потом указательным вперед.

Жовтюк поступил строже.

– Документы показал! – велел он, употребив удивительную форму повелительного наклонения, а именно глагол прошедшего времени, подразумевающий, что действие, которое только еще должно совершиться, уже произошло в воображении приказывающего. «Вышли все отсюда! Сдали тетради! Построились!» – все мы с детства слышим это, слышал и Жовтюк, и с удовольствием применял эту приятно-приказную форму, когда предоставлялась такая возможность.

Полувоенный человек не перечил, он достал из нагрудного кармана паспорт и протянул Жовтюку. Тот открыл и многозначительно сказал:

– Ага. Гражданин РФ!

– Вот и влип! – подхватил Иванов, тоже со значением, хотя сам еще этого значения не понимал.

– Куда следуем? – начал допрос Жовтюк, не зная, какое нарушение он усмотрит в ответе, но не сомневаясь, что нарушение обязательно имеется.

– К брату. Улица Вторая Песчаная. Не знаете, где она?

– Рядом с Первой, – дал справку Жовтюк.

– А где Первая?

– Рядом со Второй, – уточнил Иванов.

– Добрый юмор восхитил Евгения, – сказал Евгений в коробочку, – но он надеялся на более точную информацию.

Более точную информацию друзья предоставить не могли, они сами не знали, где Первая и Вторая Песчаные улицы. Поселок Грежин хоть и не получил звание города, но размеры имел не маленькие: десятки улиц и проулков, все не упомнишь. Естественно, они не подали виду, наоборот, понимающе покачали головами. Понимающе и сочувственно: дескать, плохи, брат, твои дела!

– Если ты гражданин России и пересекаешь границу, чтобы из России попасть в Украину, должен платить пошлину, – объяснил Иванов. – А если ты, обратно же, гражданин России, но пересекаешь границу из Украины, чтобы попасть в Россию, тоже должен платить пошлину. Выбери.

– Евгений не понял, – сказал Евгений, – как можно выбрать при отсутствии выбора?

– Какое отсутствие? – обиделся Жовтюк на несправедливое подозрение в превышении полномочий и произволе. – Вам же ясно сказано, товарищ: или с России в Украину, или с Украины в Россию. Это не выбор?

– Но я же не знаю, где брат живет! То есть, где это будет считаться.

– Так это ваши проблемы! – укоризненно воскликнул Иванов, огорчаясь, что путанный человек хочет взвалить свои трудности на чужие плечи. – Мы разве виноваты?

– Действительно, – согласился Евгений. Достал из другого нагрудного кармана пачку денег и протянул друзьям. – Сколько надо?

В пачке были тысячные, пятисотенные, сотенные, она была довольно толстой.

На лицах друзей выразилась легкая досада. И некоторое смущение. Оно понятно: хоть уже довольно давно гуляет капитализм по нашим краям, многие до сих пор стесняются объявлять стоимость своей работы или услуги. Когда дают по усмотрению, это выглядит доброй волей дающего, а когда ты сам должен оценить собственные усилия, то есть самого себя, возникает неприятный привкус торговли, продажности, ты будто выпрашиваешь, при этом совестно набивать и завышать себе цену, однако и продешевить тоже неохота, вот и думай, считай – собственно, именно это больше всего и тяготит: необходимость самому принять решение. Отсюда ходовой ответ: сколько не жалко! Именно такой ответ и прозвучал из уст Иванова, но в украинском варианте:

– А сколько не шкода!

Он ввернул это словцо скорее для форса, чем по обыкновению: хотя в Грежине много украинских выходцев и потомков, поселок вырос в советское время, когда здесь намечалось строительство крупного железнодорожного узла. Но строительство почему-то отменили, а люди, съехавшиеся со всех уголков огромной страны, перемешались и говорили на удобопонятном языке, близком к общерусскому. Этот язык переняли и коренные грежинцы, что с точки зрения исторической оправдано, с точки зрения украинской государственности – досадно, а с точки зрения обычной человеческой никому не мешало и никого ни к чему не обязывало.

Евгений насчет шкоды не понял и пожал плечами.

– Сколько не жалко, – перевел сам себя Иванов.

– Странно, подумал Евгений, – сказал Евгений. – Как может быть жалко денег? Деньги не больная кошка, не сломанное дерево, не умерший человек. Берите, берите, я не знаю расценок!

Друзья переглянулись. Раз человек настаивает, что ж делать? Иванов пожал плечами, протянул руку и двумя пальцами снял с пачки верхнюю сотенную купюру.

– На двоих! – сказал он, намекая, что один взял бы скромнее, а на двоих меньше сотенной никак нельзя.

– А Вторая Песчаная где-то там! – неопределенно махнул рукой Жовтюк, преисполненный чувства благодарности и желания помочь.

– Спасибо, – сказал Евгений.

– Ну, иди. Только третьякам не попадайся, – предупредил Иванов, который, как и его друг, хотел чем-то отблагодарить Евгения. – Они навряд ли днем шляются, но мало ли.

– Евгений не знал, кто такие третьяки, но пообещал, что будет осторожным, – сказал Евгений и пошел в направлении, указанном Жовтюком.

Он шел, смотрел по сторонам и не бездельничал: описывал увиденное, наговаривая в коробочку, которая была, если приглядеться, плеером с функцией записи голоса – допотопным, кассетным, такими уже давным-давно никто не пользуется, да их и не выпускают уже, как и кассеты.

Он говорил:

– Евгений видел обычную улицу с обычными домами. Были дома красивые, а были не очень. Были сады, а были и палисадники. Иногда ничего не было, только пустой двор, а во дворе машина. Или две. И вот даже три. А вот магазин «Продукты».

Как только он это сказал, из магазина «Продукты» вышла пожилая женщина в белом платке.

Евгений направился к ней, говоря не в диктофон, а в пространство перед собой:

– Ему встретила женщина с приветливыми глазами, она посмотрела на него и спросила: «Кто вы и чего вы хотите?»

Но женщина с приветливыми глазами глянула на Евгения неприветливо и ни о чем не спросила, лишь пробормотала:

– Развелось вас!

Не смутившись, Евгений вежливо спросил:

– Не скажете, где улица Вторая Песчаная?

Женщина тут же сменила гнев на милость, ей было приятно, что от нее кому-то что-то понадобилось.

– Вторая Песчаная? А кого ищем?

– Аркадия Емельяненко.

– Не знаю такого. А он кто?

– Евгений затруднился с ответом, – сказал Евгений, – потому что ему было неизвестно, кем является Аркадий. Он знал только, что Аркадий его младший брат по отцу.

– Брат? – уважительно переспросила женщина, ценя родство. – Брат – дело хорошее. А ты-то сам кто?

– Евгений тоже Емельяненко, это фамилия нашего отца. Я из села Пухово. У меня там умерла мама.

– Горе какое! – посочувствовала женщина. – И ты, значит, теперь брата ищешь?

– Да.

– Как, говоришь, зовут его?

– Аркадий Емельяненко.

– Нет, не знаю. А ты из военных, что ли?

– Я гражданский. Но мне нравится идея защищать родину.

– Надо же. Ну, уж извини, защитник, не знаю твоего Емельяненко. А ты какую родину защищать собрался?

– Свою.

– Теперь своей ни у кого нету, – сообщила женщина. – Либо Россия, либо Украина, третьего не дано!

– Третьего? А третьяки не третье? – спросил Евгений, вспомнив слово, которым предостерег его Иванов.

– Бог с тобой, третьяков поминать на ночь глядя! – испугалась женщина, несмотря на то, что вокруг был полный белый день. Возможно, для нее, как для всех пожилых людей, ночь всегда была рядом. – Извиняюсь, не знаю, еще раз, твоего Аркадия.

– Я бы и сам нашел, мне нужна улица Вторая Песчаная, дом двадцать семь.

– Да запросто, дорогой ты мой! – неожиданно обласкала женщина Евгения теплыми словами. И объяснила, как попасть на Вторую Песчаную улицу, помогая себе руками, показывая то вперед, то направо, то налево.

Евгений поблагодарил и пошел дальше.

Он долго блуждал, постоянно попадая туда, где уже был, и вышел наконец на Вторую Песчаную улицу, которая, оправдывая свое название, оказалась действительно песчаной, такая здесь была почва. Улица тянулась вдоль оврага, а далеко внизу виднелась заросшая густым кустарником пойма, широкая, до самого горизонта, достойная какой-нибудь полно-

водной реки. На самом деле там еле заметно и стеснительно блестела худенькая речка – как бедная серебряная цепочка в слишком богатом, не по ней, зеленом бархатном футляре.

Дом номер двадцать семь, деревянный, крашенный охрой и крытый красной жестью, стоял в конце, где улица загибом поднималась вверх, утыкаясь в асфальтовую дорогу, которая, кстати говоря, была пограничной. С одного бока к дому лепилась маленькая застекленная веранда с невысоким крыльцом, с другого была странность: грубо выпиленный в стене дверной проем на месте оконного. Его занавешивало висящее на веревочке старое линялое покрывало, какими у нас обычно застилают диваны, чтобы не пачкать обивку, из-за чего она выглядит как новая и через десять, и через двадцать лет, когда сам диван уже разваливается и просится на свалку, где в результате и оказывается. Странно бывает видеть поцарапанные подлокотники, обшарпанные ножки, засаленные до черноты выступающие части – и нарядную, нетронутую, будто вчера из магазина, обивку. Это сбережение какого-то отдельного качества вещи вплоть до момента, когда ее выкидывают, всегда наводит меня на тревожные мысли, я поневоле вспоминаю в себе и других то, что мы прикрываем и храним неприкосновенным до самой смерти, так ни разу и не воспользовавшись.

У дома стояла стремянка. На стремянке стояла молодая женщина в старом халате. Она водила кистью, густо замазывая охряные доски голубой краской. Но красила не весь дом, а провела вертикальную полосу возле самодельной двери и работала вправо от нее.

Она махала кистью, разбрызгивая краску с нарочитой энергичностью, словно что-то кому-то доказывала. И вдруг услышала голос. Голос сказал:

– Евгений увидел прекрасное и стройное тело женщины, которая могла бы стать его женой, но это невозможно, она, скорее всего, жена Аркадия.

Женщина испуганно повернулась, держась за перекладину, увидела Евгения и громко закричала:

– Аркадий! Аркадий, иди сюда, тут мужик какой-то!

Из проема, откинув покрывало, вышел мужчина лет тридцати в цветастых шортах и резиновых шлепанцах, с кружкой в руке. Он улыбался, радуясь испугу женщины.

– Ага, чуть что, сразу Аркадий! Какой Аркадий, где Аркадий? Сама же сказала: тебя для меня нет! Вот меня и нет. Кого вы зовете, Нина Андреевна, интересно?

– Ты посмотри на него, – показала женщина кистью на Евгения.

Аркадий посмотрел.

– Вижу. И что?

– Он тут мне про тело говорил.

– Чье?

– Мое, чье же еще? Типа прекрасное. Может, маньяк какой-то. Посмотри, как вырядился.

Евгений сказал:

– Я не маньяк. Я просто объективно отметил, что вы очень стройная.

После этого он откашлялся, переключаясь на другое действие, шагнул к мужчине в шортах и произнес:

– Евгений никогда не видел своего брата Аркадия, поэтому к его глазам невольно подступили слезы.

– Чего? – напрягся Аркадий, глядя в Евгения и, кстати, не замечая в его глазах никаких слез.

– Я твой старший брат Евгений, – объяснил Евгений. – Сын нашего общего отца от другой женщины, от моей мамы. Она умерла, а я приехал сюда, чтобы с тобой жить.

– Поздравляю! – сказала женщина Аркадию. – Всегда подозревала, что папаша твой был на голову больной, вот тебе и доказательство. Ты придурок, а брат и вовсе дурак.

– Вы не правы, – возразил Евгений. – Меня считают сумасшедшим, это близко к правде, но я не дурак. Дураками бывают и нормальные люди, а я очень умный.

– А с чего ты взял, что будешь у меня жить? – спросил Аркадий. – И где? Я теперь почти в разводе, чтоб ты знал, я отделился, у меня одна комната всего. Это, Нин, между прочим, вопрос еще не решенный, – обратился он к женщине. – Дом моей мамы, с какой стати тебе три комнаты отошло, а мне одна?

– С такой, что у меня сын!

– Сын не у тебя, а у нас!

– Заведи себе другого от своей Светланочки! От Светика своего! От своей Светуёвины! От Светуёвки своей! – изощрялась Нина над именем неведомой женщины.

– Не моя она!

– А кто к ней бегаёт каждый день?

– Я ее поддерживаю! Как человека! Девушку без суда в тюрьму посадили, это как называется?

– Уж она девушка, конечно! А кого с работы выгнали из-за нее?

– Я сам ушел! И не из-за нее, а сама знаешь, из-за чего! По политическим мотивам! И с тобой разведусь по ним же!

Они продолжили ругаться, а Евгений смотрел на них и что-то говорил в диктофон.

Аркадий и Нина, заметив это, умолкли. И вот что услышали.

– Евгений обнаружил, что он попал в ситуацию семейного разрыва, – говорил в диктофон Евгений. – Это было неприятно. Аркадий дал понять, что не рад брату. Возник вариант пожить у его бывшей жены Нины. Это даже лучше, учитывая, что она с каждой минутой нравилась ему все больше. Представилась перспектива жениться на ней вместе с ее ребенком, и это удача, потому что Евгению нельзя было иметь детей из-за наследственности.

Нина так удивилась, что даже спустилась со стремянки на землю – для устойчивости.

– Ты чего там городишь? – спросила она.

Но Евгений был погружен в свои рассуждения и продолжил:

– С другой стороны, Евгений ясно видел в Нине влечение к Аркадию. Может быть, оно объяснялось ее нерастроченной женской энергией, которая струилась из ее красивых и голодных глаз, поэтому она видела в Аркадии не любимого человека, а просто мужчину.

– Чего-чего? – изумилась Нина, но Евгения невозможно было сбить, он гнул свое.

– Было видно, что Аркадий тоже любит Нину. Он нарочно показывал ей свое полуголоое тело – и зря, учитывая астеническое сложение. Он вел себя агрессивно, но равнодушно. Они были как брат и сестра, которые ссорятся, но остаются братом и сестрой.

– Я, Нинель, тебе то же самое говорил! – неожиданно поддержал Аркадий Евгения.

– Про брата и сестру?

– Нет! Про то, что если даже у меня и была к Светлане какая-то симпатия, то это все чистый виртуал, а в реальности и по факту я остаюсь твоим мужем! Как брат.

– Вы оба чокнутые! – заявила Нина. – И как тебя там, Евгений! Насчет жениться на мне – кончай бредить! Мы разъехались, но не в разводе пока. Я его не просила дом портить и дверь себе рубить.

– А как бы я ходил? Через окно? Сама мне комнату отгородила, сама сказала – ходи туда, как хочешь!

– Ну, и походил бы через окно пару дней.

– Ага, значит, собиралась все-таки меня вернуть? – уличил жену Аркадий.

– Ничего я не собиралась. У меня теперь своя жизнь. Новая.

– Я вижу! Краской идиотской весь дом испоганила!

– Не весь, а свою половину.

– Какая она половина, если там три комнаты, а у меня одна?

- Да у тебя одна больше моих трех!
- Неужели? А померить не хочешь?

Аркадий побежал в дом и тут же вернулся с рулеткой. И устремился к веранде, и скрылся там.

Нина пошла за ним.

Из дома слышались их громкие голоса.

На крыльцо вышел сонный мальчик лет восьми-девяти, в шортах, сел на ступеньку и сказал Евгению:

- Каждый день одно и то же.
- Ребенку было больно наблюдать склоки родителей, – ответил Евгений.
- Чего? – не понял ребенок.
- Тебя как звать?
- Владик.
- Евгений любил детей, – сказал Евгений, – за их непосредственность и чистоту души.
- Ты педофил, что ли? – огорошил Владик знанием жизни.
- Евгения потрясла такая ранняя осведомленность маленького человека, – ответил Евгений. – Нет, я не педофил. Откуда ты знаешь про педофилов?

– В школе объяснили.

– Учителя?

– Не, пацаны. У нас одного какой-то дядька увез, машинку ему пообещал. С радиоуправлением. А потом его нашли мертвого в посадках, с порванной жопой.

– Вот чего ты болтаешь, Владик? – выскочила на крыльцо Нина. – Врут твои пацаны! Не у нас это было, а в другом месте! И давно уже. И того скота уже поймали. И ты интеллигентный же мальчик у нас, что за жопа, другого слова нет?

– А есть?

– Ну, попа хотя бы. Ты заходи, чего ты? – обратилась Нина к Евгению.

Евгений зашел в дом, где Аркадий вполне благодушно сидел на диване, раскинув руки и положив ногу на ногу. Рулетка бездельно валялась рядом.

Он начал задавать вопросы, как хозяин и ответственный человек.

– Ну, Евгений, давай разбираться: кто ты, откуда?

– Из села Пухова. Я твой брат. Я уже сказал.

– Документы покажи.

Евгений снял рюкзак, выложил на стол бумажный сверток, потом целую кучу кассет для диктофона, а потом документы в прозрачной папке. Аркадий протянул руку, Нина послушно подала ему папку.

– Евгений удивился, насколько быстро в семье восстановилось статус-кво, – прокомментировал Евгений.

– Без тебя разберемся, – пресек Аркадий. – Смотри, Нин, у него все как у людей. Паспорт. Пенсионное удостоверение. Страховка.

– Ничего удивительного, – сказал Евгений. – У меня ограниченные гражданские права, я не могу служить в армии и избираться на выборные должности, водить автомобиль, служить в полиции или пожарной части. Но я имею право на медицинское страхование, на пенсию, на владение недвижимостью, которую я продал.

– Это как? – заинтересовалась Нина.

– Тетя Оля купила у меня половину маминого дома. Он был большой, бывший интернат при школе, маме его разрешили записать на себя, потому что в интернате давно никто не жил. Тетя Оля хотела весь купить, двести восемьдесят семь квадратных метров, но я продал только сто, чтобы было куда вернуться. Если с женой.

– Смотри, он совсем как нормальный рассуждает! – обратил Аркадий внимание Нины. – Оставил себе почти двести метров жилья, хоть и в селе! Ты говорила, у меня нет шансов? А вот тебе и шанс! Заселиться, завести хозяйство! Разводить кроликов, нутрий, да мало ли! Или собачий питомник устроить.

– Начинается! Ты лучше вернись на работу.

– Опять? Я сказал – ни шагу туда! Устроюсь грузчиком, ремонтником дорог, в карьер пойду щебень дробить! Все, я ушел из журналистов навсегда! Не прогибаюсь, ясно? И не потерплю... – Аркадий пощелкал в воздухе пальцами, подыскивая точное слово для обозначения того, чего он не потерпит.

– Несправедливости, – подсказал Евгений.

– Чуешь правду! – одобрил Аркадий.

Нина спросила Евгения:

– А мама давно умерла?

Евгений ответил не сразу. Нажав на кнопку диктофона, он сказал:

– Евгений оценил ум этой красивой женщины. Она очень тонко перевела разговор с неприятной темы работы мужа на тему смерти. Если бы Аркадий и хотел продолжить тему работы, он постеснялся бы вклиниться, потому что смерть у всех вызывает уважение.

– Ничего я не перевела, просто спросила, – не согласилась Нина, но было видно, что ей приятны слова Евгения про ее ум и красоту.

– Чего это ты туда наговариваешь? – спросил Аркадий, разглядев диктофон. – И почему в третьем лице?

– Якать нехорошо. Мама учила быть скромным и не показывать людям, что я гений.

– А ты гений?

– Да, – спокойно ответил Евгений.

– И в чем это выражается? В какой области ты гений?

– Я гений вообще. Гений жизни. А наговариваю для того, чтобы не забыть, как я живу. Мама мне в детстве подарила, давно. Я ходил в магазин и говорил в диктофон, что купить. А потом слушал и покупал.

– Ему же сто лет – и работает?! – удивился Аркадий.

– Два раза чинили, работает. Только батарейки менять нужно. И кассеты трудно достать. Записываю на старые. Надо будет купить что-то современное, у меня теперь есть деньги. Теперь отвечаю на твой вопрос, – обратился Евгений к Нине, глядя при этом куда-то в сторону. – Извини, что не смотрю на тебя прямо, но меня очень смущает и тревожит твоя красота.

Аркадий, машинально взяв в руку рулетку и подбрасывая ее, сказал:

– Брат, ты заколебал уже, что при мне моей жене такие вещи говоришь! Был бы ты нормальный, ты бы сейчас, извини, уже в окно летел!

– Я не говорю ничего плохого. Итак, Нина, про маму. Она умерла давно, две недели назад. Я после этого жил у тети Оли, она тоже преподаватель из школы, но она сказала, что со мной нельзя жить, потому что я говорю про нее, а она про себя ничего не хочет знать, написала мне ваш адрес и сказала, чтобы я сюда ехал. И я приехал.

– В этой форме? Ты вообще видел, как ты одет? – спросила Нина.

– Евгений подумал, что он, пожалуй, переоценил ум этой прекрасной женщины, – тут же отреагировал Евгений.

Нина сделала обиженное лицо, хотя ничуть не обиделась: Евгений в очередной раз назвал ее прекрасной, а женщина, которую называют прекрасной, простит, если ее тут же назовут хоть даже полной душой.

– Видел ли он, как одет? – спросил Евгений в диктофон. – Конечно, ведь он же одевался в то, во что был одет. Следовательно, он видел то, что надевает.

– Ничего, вы с Аркадием одного размера, найдем что-нибудь человеческое, переоденем, – сказала Нина.

– Евгений огорчился, – ответил Евгений, – ему не хотелось переодеваться. Но и обрадовался: слова Нины означали, что его оставляют в этом доме.

– Я этого не сказала! – спохватилась Нина.

– Сказала, сказала! – смеялся Аркадий. – Слушай, Евгений, ты и правда гений, насквозь людей видишь!

– Да, – подтвердил Евгений.

– Неужели? – засомневался Аркадий по привычке наших людей опровергать только что ими же утвержденное. Эта привычка оттого, что любое слово, ставящее точку, лишает возможности продолжить спор, а спорить мы никогда не перестанем. – Вот, например, – предложил он, – если ты видишь меня насквозь, скажи, чего я хочу?

Евгений неожиданно смутился и выключил диктофон.

– Давай, давай! – бодрил Аркадий, словно выступал перед публикой вместе с фокусником и ему не терпелось показать его способности.

– Ты хочешь, во-первых, свою прекрасную жену, что мне очень понятно, – негромко выговорил Евгений.

– Так я и поверила! – не поверила Нина. – Знаю я, кого он хочет!

– Он угадал! – объявил Аркадий. – Прямо в точку! Тебя у меня уже неделю не было, а других тем более, у меня просто уже ноет все!

– Давай без анатомии! – остерегла Нина, стесняясь личного при чужом человеке.

– А еще тебя, Аркадий, что-то угнетает, – добавил Евгений. – Ты с нами, тут, но где-то еще. Там у тебя что-то такое, что тебя волнует. Тебя туда тянет.

– Вот! – ревниво отозвалась Нина. – Вот тебе и доказательство! К Светуёчку тебя тянет, сволочь!

– Да нет, – задумчиво возразил Аркадий. – Если честно, Нин, я хоть и говорю, что я забил на все это: на работу, на газету, но на самом деле все не просто.

– Так возвращайся!

– Я же условие поставил! Не вернусь, пока Вагнер не извинится. Пока не пообещает опровержение на свою гадость напечатать. Если я просто приду и скажу Вагнеру, что хочу вернуться без всяких условий, кем я буду выглядеть?

– Плюралистом! Человеком, который имеет мужество ошибаться и признавать ошибки!

– Я, во-первых, не ошибаюсь, и признаваться мне не в чем! И это не плюрализм, а подлость! Как ты считаешь, Евгений?

– Тебе нужна работа, потому что за нее платят деньги. Работа лучше та, которая нравится. Из твоих слов я понял, что твоя работа тебе нравится. И за нее платят. Надо вернуться.

– Ты прямо мудрец, я смотрю! Действительно, с какой стати я должен бросать любимую работу? Тем более в такое время! Такое творится, брат, весь поселок на дыбы поднялся! Ждут, идиоты, и самое смешное, что даже не знают, кого ждут!

– Это неважно, – сказал Евгений. – Только ожидание делает осмысленной жизнь человека.

– И опять в точку! – согласился Аркадий. – Ладно, попробуем вернуться. А ты вот что, найди ему что-нибудь из моей одежды, – распорядился он, поворачиваясь к жене.

Нина принесла чистые, слегка ношенные джинсы и футболку Аркадия, а также белые кроссовки с красными полосками по бокам. Евгению понравились эти полоски, он даже погладил их пальцами, но усомнился.

– Я собираюсь жениться. Женщины любят военных. В форме у меня мужественный вид.

Аркадий ему объяснил, что современные женщины не так уж любят военных, особенно в свете последних событий, касающихся внешней и внутренней политики, когда военным быть реально опасно.

– Почему в свете? – спросил Евгений. – Если эти события печальные, какой от них может быть свет?

– Ты нудный, прямо как наш Вагнер! Тоже к словам цепляется! Ну, хорошо, скажем так: женщины не любят военных во тьме последних событий. Устраивает?

Нина насторожилась: ей не понравилось выражение «во тьме». Но она тоже припасла свой довод:

– Ты даже и не похож на военного, а скорее, знаешь, на кого? На того, кто сбежал оттуда, где снимают старое кино про войну. То есть на актера. Актеров нормальные женщины тоже не любят. Потому что они все неверные и наркоманы, в лучшем случае – пьющие.

– Жаль, а я хотел стать актером когда-нибудь, – огорчился Евгений.

– Переоденешься – станешь! – уверил Аркадий.

Евгений поставил кроссовки на пол и сказал:

– Нет, не сейчас. Мне надо привыкнуть к этой мысли. Я объективно вижу людей. Я знаю, что многие принимают меня за ненормального. Я не хочу их обманывать. В обычной одежде я буду выглядеть как нормальный, со мной начнут общаться обычно, а потом огорчатся, что я не такой, как им показалось. А если увидят, что я в странной одежде, то сразу подумают, что я странный. И это будет честно. Хотя я на самом деле нормальнее многих. Но это мой выбор. Я переоденусь, но потом.

– Дело твое, – сказал Аркадий. – Поехали.

В машине Аркадий делился с братом семейными тайнами.

– Нинка моя добрая и меня, конечно, любит. Поэтому и ревнует к Светлане, но, если бы я был женщиной, тоже ревновал бы. Сам посмотри – есть за что!

Аркадий, руля одной рукой, другой достал телефон, нашел в нем фотографию и показал Евгению. Тот взял телефон, рассматривал и говорил:

– Евгений увидел девушку необыкновенной красоты, у нее были светлые волосы, темные брови и глаза голубинового цвета, которые смотрели строго и дерзко.

– Умеешь ты слова находить, – оценил Аркадий. – Может, в самом деле гений? Все гении сумасшедшие, божевильни, то есть божевольные, как украинцы говорят. Ты, брат, не представляешь, какие есть в украинском чудесные и точные слова! Божевольный – хорошо ведь?

– Да.

– Голубиный цвет, верно, а то я все гляжу и не могу понять, как его назвать. Не голубой, темнее, почти сизый, голубиный, именно! И смотрит, да, строго. Насчет дерзко не уверен, хотя тоже близко к правде, но строго – это да, такая, знаешь, принципиальная девушка, каких не бывает.

– И она сидит в тюрьме?

– Ну, не совсем в тюрьме, в изоляторе. Тут такая история: за Светланой еще в школе ухаживал Степа Мовчан, сын майора Мовчана, а майор Мовчан – фигура. Начальник поселкового ОВД. Знаешь, что такое ОВД? – вдруг усомнился Аркадий.

– Евгений удивился, – сказал Евгений. – Как можно жить в России и не знать ее аббревиатур? ОВД, УВД, УФМС, ФСИН, ФСБ, РПЦ, ГИБДД, ПФР, МЧС, ЦСК, РЖД, МТС...

– Все, все, все, убедил! В общем, Степа за Светланой бегал, а Мовчан для сына живьем гадюку съест, так его любит, один он у него. И у Мовчана появилась смертельная мечта: женить своего дурака на Светлане. А фокус в том, что отец Светланы, Зобчик Михаил Михайлович, служил под Мовчаном, заведовал при ОВД гаражом, и вообще он у Мовчана

личным шофером был периодически. И вот майор стал давить на отца. А тот на Светлану. Ну, не давил, но уговаривал. Или намекал, не знаю. Светлана, конечно, даже слышать не хочет. Тут история: ездили всем отделом они на охоту. Да какая охота, сусликов стрелять, у нас тут в степях дичи нет, вот и нашли забаву: одни бегают и норы сусличьи заливают, а другие по сусликам стреляют. Короче. Возвращались они обратно и наехали на старуху Крапивину. До смерти. Причем люди видели, за рулем был сам Мовчан, и был он пьяный, но уговорил Зобчика взять все на себя, обещал, что ему ничего не будет, свидетели подтвердят, что Крапивина сама под колеса сослепу попала. Обещал ему за это повышение и квартиру для дочери из фонда ОВД. Зобчик согласился. А на него – уголовное дело! И суд! И реальный срок – три года колонии! Зобчик просит с Мовчаном свидание, спрашивает – как так? А тот ему нагло: извини, я не суд, а суд именно так решил. Могу, говорит, посодействовать, но прямо тебе скажу – только в случае, если Светлана согласится выйти за Степу. Зобчик ему в глаза плюнул. Говорит, лучше отсижу, чем свою дочь отдам за твоего сына! Мовчан ему – ну, и сиди. И Зобчика в колонию, и он там через год погиб при темных обстоятельствах. Дикая история, да?

– Нет такой истории, сказал Евгений, – сказал Евгений, – которая на просторах нашей Родины выглядела бы действительно дикой, поэтому он вынужден был ответить: нет.

– И ты прав! Действительно, какая уж тут дичь, никто даже не удивился! А Светлану даже осуждали, что отца не спасла. Хорошо, что дальше? Дальше Светлана едет в Ростов, учится на журналистку, возвращается, приходит устраиваться к нам в газету. Вагнер сомневается: не знает, как отреагирует Мовчан. А Мовчан сам звонит Вагнеру и говорит: бери! Почему он ему так велел, неизвестно. Может, хотел Светлану задобрить. И Вагнер ее берет. А Светлана первую же статью написала про ту историю со старухой Крапивиной, а заодно про все Мовчана подвиги. Всё собрала, что знала, да и кто не знает? В этом и специфика у нас: все всё знают, но никто ничего не может сделать! Я был выпускающий в этот день, я понял, что это бомба и печатать нельзя. Но вот представь: смотрит на тебя девушка и говорит: разве, говорит, у нас нет понятия личной ответственности? Я, говорит, автор статьи, я и буду отвечать. Что ты ей возразишь?

– Я бы ничего ей не возразил, – тихо произнес Евгений, не отводя зачарованного взгляда от лица Светланы.

– Вот! То есть умом я понимал, что это не аргумент, а самого как черти дергают: ты же сам мечтал такую бомбу подложить, чем ты рискуешь, жизнью, что ли?! Как, знаешь, затмение на меня нашло. Ну, и поставил в номер. Утром газета вышла, Вагнер мне позвонил, я думал, у меня трубка взорвется, так он орал. И представь, что он сделал? Тут же примчался в редакцию, написал вот такое, – Аркадий на секунду бросил руль и показал руками, – вот такое огромное опровержение, выпустил вне очереди номер, всех сотрудников заставил лично развозить по киоскам и по важным адресам. Только я отказался. Но дело-то уже сделано, первая газета уже разошлась! И к Мовчану на стол попала, он прочитал и послал своих людей арестовать Светлану. И арестовали без суда и следствия! А я Вагнеру сказал: или вы публикуете опровержение своего гнусного опровержения, а заодно сообщение об откровенной репрессии Мовчана по отношению к Светлане, или я в вашей газете уже не работаю! Он говорит: ну, и не работаешь. Как тебе история?

– Евгению была не очень интересна эта история, – честно сказал Евгений. – Он увидел в ней что-то скучное, знакомое и надоевшее. Но ему интересна была эта девушка. На девушек и женщин он смотрел как на будущих жен. И мало было таких, с кем женитьба казалась невозможной. А тут он смотрел и понимал, что эта девушка никогда не станет его женой. В ее облике была страшная неосуществимость. Такая страшная неосуществимость бывает только у мертвых, потому что они уже никогда не станут живыми. Евгению хотелось плакать.

И действительно, большие детские слезы покатались по его щекам.

– Замочишь! – Аркадий отобрал у него телефон. – Нет, ты все-таки не совсем нормальный. Хотя опять гениально сказал: она страшно неосуществимая. Точно. Смотришь на нее и понимаешь: никогда! Хоть наизнанку вывернись. Ты вот плачешь, а я, когда увидел ее, так затосковал, что напился в стельку. Домой прихожу, Нинка меня ругает, а я смотрю на нее, как в песне, тупым и нежным взором, и говорю: Нина, ты мой самый родной и близкий человек, с кем я еще поделюсь, если не с родным и близким человеком? Нина, говорю, я выпил по уважительной причине: влюбился в девушку Светлану. Реально, так и сказал, представляешь? И ты должна, говорю, не злиться на меня, а радоваться и гордиться, что твой муж способен на такие чувства! Само собой, она за меня радоваться не стала, выгнала в дальнюю комнату, дверь заперла и досками заколотила. И кричит: граница на замке, без визы не входить!

Аркадий засмеялся, но тут же опять загрустил.

– Нам с тобой смешно, – сказал он, хотя Евгений не смеялся, – а граница на самом деле по всему прошла. У нас с одной стороны был молокозавод, с другой кирпичный комбинат, так ровно по ним провели, чтобы ни нашим, ни вашим. Вот и вышло – до сих пор пустые корпуса стоят, людям работать негде, таскают туда-сюда все что можно и перепродают, меняют гуся на поросю, а поросю на гуся! До парадокса доходит: на улице Мира парикмахерская, вход из России для клиентов, а служебный из Украины, а граница прямо в зале: ты сидишь в России, а парикмахерша тебя из Украины, получается, стрижет. Веселимся!

– И кого-то ждете?

– А, ты запомнил? Ждем, в этом и вся соль! Это чистый анекдот: Крамаренко Прохору Игнатьевичу, нашему главе администрации, кто-то позвонил и говорит: ждите, двадцать девятого июля к вам приедет сам – а дальше странная история, Прохор Игнатьевич и до этого слышал, что в наши края хочет приехать чуть ли ни президент или премьер, а тут ему говорят про это прямоком, и у него в глазах мутнеет. Он гипертоник, когда давление скачет, может и в обморок упасть. Причем мужик он почти честный, но впечатлительный. Короче, вырубил у него слух и память, ему говорят, а он отвечает: да, все понял, подготовимся, сделаем, но при этом ничего не понимает! Потом в себя пришел, но перезвонить и спросить постеснялся: как будет выглядеть, если он такую информацию с первого раза не воспринял? Через знакомых в Москве пытался выяснить, но кто ж ему скажет? То есть и сказали бы, да сами без понятия. У нас ведь полная открытость в условиях строгой секретности. И теперь получается сплошной караул: все знают, что приедет САМ – а кто сам, неизвестно! Но готовятся. В этом, может, и спасение: лишний скандал никому не нужен, и Мовчан Светлану обязательно выпустит. С другой стороны, он ведь ее может и под конвоем куда-нибудь тайком выслать. Да и мне достанется, – мрачно размышлял вслух Аркадий. – Я же теперь вроде оппозиции. То есть я и раньше имел свободные взгляды, но в смысле частной дискуссии между своими. Вот такая, брат, у нас жизнь.

– А третьяки?

– Уже знаешь? Третьяки – это наша загадка. Полгода назад в сквере Дружбы нашли изнасилованную и убитую женщину. Приезжаю, к сестре из Луганска в гости на недельку прибыла. Нонсенс, брат, в том, что в Грежине за всю историю, ты не поверишь, не было ни одного случая изнасилования. И кому придет в голову грежинских женщин насиловать? Не потому, что они непривлекательные, как раз наоборот, но я бы посмотрел, кто решится: у нас женщины такие, что сами кого хочешь изнасилуют. Очень решительные. Первый раз по лбу, второй по гробу! Светланка моя – чистый тому пример.

– Нина, – поправил Евгений.

– А я что сказал?

– Светланка.

– Ты видишь? Ты видишь, как меня переключило? Даже не замечаю! – с радостной печалью воскликнул Аркадий. – Ну вот, сперва, значит, женщину изнасиловали, потом

цистерна на станции загорелась. Российская сторона начала на украинцев валить, станция-то наша. Тут на украинской стороне бензовоз угнали, спустили в карьер. Потом мост пытались подорвать, газовую трубу обрушили, да много чего. А потом пошли слухи про этих самых третьяков. Кто-то видел, кто-то слышал, кто-то чуть ли не знает, кого-то из них, но боится сказать. Говорят, что это молодежная русско-украинская банда, типа, знаешь, «Молодой гвардии», только совсем другое. Какие у них цели, чего хотят, непонятно. То ли чтобы окончательный мир был, то ли чтобы окончательная война. Такая вот, брат, карусель. И в моей жизни тоже. Приехали!

Его восклицание относилось не к ситуации в поселке и не к личным проблемам – они действительно приехали и остановились возле редакции газеты «Вперед!» (бывшая «Вперед к коммунизму!»), размещавшейся в здании неслужебного вида, в домашнем таком доме, одноэтажном, с резными ставнями на маленьких окошках, с палисадником и небольшим садиком, где росли несколько яблонь. Если бы не синяя с золотом табличка на двери и не флаг над крыльцом, совсем походило бы на обычное жилое строение, из которого вот-вот выйдет хозяин и, пряча под необходимой суровостью природную доброту, строго спросит, чего тут надо незваным гостям.

Аркадий и Евгений вышли из машины и направились к крыльцу. На крыльце Аркадий замешкался.

– Может, тебе остаться?

– Евгений с огорчением увидел, что Аркадий его стесняется, – сказал Евгений.

– Ничего я не стесняюсь, – смутился Аркадий, – а просто... Какой ты наблюдательный, однако! Ладно, пойдем, только лишнего не говори.

– У каждого свое понимание лишнего.

– А ты смотри не как у каждого, а как у всех.

– Не понял.

– Потом объясню.

Глава 2

Де загадка, там і відгадка

2

В редакции все было казенное, безликое, внутренние стенки и перегородки убраны, получилось, по современной моде, единое пространство, где все друг друга видели, а главное, всех видел редактор. Это заставляло подчиненных пребывать в постоянном трудовом напряжении, хотя на результаты деятельности не влияло.

Редактором, то есть тем самым Вагнером, о котором нелюбезно рассказывал Аркадий, был плотный коренастый мужчина лет пятидесяти с двумя кочками черных волос по краям обширной матовой лысины, в больших очках, отчего глаза казались огромными и не по должности доверчивыми. Вагнер это знал, и его это раздражало.

Увидев Аркадия, Вагнер закричал на всю редакцию:

– Ну что, Аркаша... – тут он выругался коротким словом, – соскучился... – он опять выругался, – по коллективу? Будем работать... и опять выругался – или дурака валять?

Привыкшие к манерам Вагнера сотрудники, три женщины и двое мужчин, опустили головы, чтобы не обнаружить своих эмоций. У некоторых это был страх, у других смущение, а кто-то получал удовольствие, но тоже на всякий случай не показывал это: мы ведь люди осторожные, мы привыкли, что жизнь полна непредсказуемых перемен. Сегодня Вагнер на коне, он тут и царь и бог, а Аркадий изгой, но завтра, кто знает, может быть, Вагнер улетит вверх тормашками, а редактором станет Аркадий – как бы ни с того, ни с сего, но известно, что именно так и случается, именно ни с того и ни с сего.

– Я не знаю, что вы имеете в виду, Яков Матвеевич, – с достоинством сказал Аркадий, – но я сделал то, что считаю нужным, и вам того же желаю!

– Зачем ты тогда пришел?

– Формально меня не уволили, поэтому я пришел на работу.

– На работу он пришел! – Вагнер опять выругался. – Была бы тебе нужна работа, ты бы вел себя, как нормальный. – он опять выругался А не как... – и опять выругался целым каскадом матерных слов.

Одна из сотрудниц нервно чихнула и тут же зажала нос рукой, виновато глянув на Вагнера.

Аркадий оскорбленно молчал, подыскивая слова для достойного ответа. Вагнер с интересом ждал.

И тут вперед выступил Евгений. Вглядываясь в Вагнера, он задумчиво сказал:

– Евгений видел перед собой интересный, но не новый тип. В этом очень взрослом мужчине проглядывал мальчик, который рос тихим и незаметным отличником. Он хотел быть, как другие. В одиночку учился курить, а потом долго жевал траву и листья, чтобы не заметила мама. Закрывался в комнате и ругался матом. Он хотел стать своим человеком, потратил на это всю жизнь – и стал. Люди оценили его ум, работоспособность, а главное, оценили его народность, важное качество, в то время как аккуратные в словах интеллигенты выглядят инородными и подозрительными. Но до сих пор в нем живет бывший мальчик, маленький Яша Вагнер, который где-то в груди или животе вздрагивает и ежится, когда слышит страшную ругань большого Вагнера, и большой Вагнер чувствует в себе этого маленького Вагнера, злится на него, а потому ругается еще страшнее и громче.

---

² Где загадка, там и отгадка.

Речь Евгения была настолько неуместной и неожиданной, что Вагнер даже не перебил его, выслушал до конца. А выслушав, засмеялся:

– Аркадий, это кто? С какого... – И тут у него случился ступор, как у заикающихся людей: хочет произнести слово, а не может. Он выпихивал это слово из себя, но слышалось что-то странное:

– Хы... Хо... Ху... Ха...

И не получалось!

Тогда он попробовал иначе, обратившись не к Аркадию, а к Евгению:

– Ты... – Он вновь попытался выругаться, и вновь застопорило: крепко сжатые губы, готовые выпалить звук «б», не могли разомкнуться, чтобы за «б» последовало «л», – и далее по обычному порядку.

– Ну, ё... – крутил головой и удивлялся себе Вагнер, а привычные слова по-прежнему никак не шли из горла, вырывался только пустой и сиплый воздух.

Подчиненные, забыв об осторожности, с откровенным любопытством уставились на Вагнера, ожидая, во что выльются его мучения.

Он ударил кулаком по столу и выкрикнул:

– ...!

Матерное слово наконец выскочило, как кусок, попавший не в то горло, и Вагнер, побуравший и задышающийся, вытер платком взмокшее лицо.

– Жарко сегодня, – сказал он неожиданно мирным голосом.

Сотрудники, однако, на эту минутную слабость не повелись и опять уткнулись в столы и компьютеры.

– В чем ты прав, курить действительно надо бросать, – сказал Вагнер Евгению, придумав причину, по которой у него случился пароксизм странного заикания. – Пойдем перекурим это дело.

Он встал и пошел к выходу.

Аркадий и Евгений последовали за ним. Все прочие остались на местах, в том числе курящие: есть моменты, при которых лучше не быть свидетелями. А там, на улице, предполагали они, сейчас именно такой момент.

И были правы. Вагнер, выйдя, сел на крыльцо, закурил, поставил рядом с собой банку из-под консервов, набитую окурками, в том числе украшенными помадой, посмотрел с прищуром на Евгения, а потом на Аркадия.

– Досье, что ли, на меня шьете?

– В смысле? – не понял Аркадий.

– Откуда он все это взял? Ну, что я отличником был, это легко найти. А вот что траву жевал, чтобы мама не унюхала, что матом в одиночку ругался, такие вещи нигде не записываются. Кто рассказал? И зачем вам это надо? И почему он одет так по-идиотски?

Вагнер говорил обычным голосом, ни разу не ругнувшись, и, похоже, такая речь давалась ему с меньшим напряжением, чем ругательная.

– Никакого досье мы не шьем, Яков Матвеевич, – ответил Аркадий. – И про траву и вашу маму я ничего не знаю. Он сам догадался, потому что гений. Реально гений, видит людей насквозь.

– Да неужели? А выглядит дурачком!

– Евгений не возражал, – сказал Евгений. – Он знал, что у него бывает вид человека отсталых умственных способностей.

– Ты всегда так говоришь?

– Нет. Я по-разному говорю.

– Значит, насквозь? Ладно, о чем я сейчас думаю?

– Это вопрос без ответа. Человек сам не знает, о чем он думает, как может другой знать, о чем он думает?

Вагнер хмыкнул:

– Верно! Я сейчас нарочно ни о чем не думал, чтобы тебя поймать. А ты не поймался. Но ты не прав, все-таки бывает, когда человек предметно о чем-то думает. Когда у него задача. Я вот пишу статью на тему, например, коммунального хозяйства, и думаю о трубах, об отоплении, это легко зафиксировать. Давай я сейчас о чем-то подумаю конкретном, а ты угадаешь.

– А как мы узнаем, что вы об этом подумали? – спросил Аркадий.

– Не бойся, врать не буду. Хотя можно на бумажке написать, а потом проверим.

Вагнер достал маленький блокнот с вложенной в него ручкой, отвернулся, записал что-то на листке, вырвал, сложил, подал Аркадию.

– Держи. А ты, Ев-Гений, – подчеркнул он, – догадывайся!

– Евгению это было легко, – сказал Евгений. – Яков Матвеевич сам хотел какого-нибудь чуда, поэтому дал легкую задачу. Вы про курение написали.

Аркадий развернул бумажку.

Да, там было написано: «Курение».

– В самом деле, легко догадаться, – кивнул Вагнер. – Но вот ты сказал, что чуда хочется, это сложнее было попасть, а ведь ты угадал. Чуда хочется, ребята, – с грустной откровенностью сказал он. – Какое может быть чудо в моем возрасте, при моей язве и крапивнице? Ноги, Аркадий, просто заживо гниют, смотреть страшно. Какое чудо при моей работе и ответственности? Да и вообще, в нашей жизни, если подумать, откуда взяться чуду? Но все равно хочется. Ты молодец, Евгений. Давай еще раз попробуем.

Он написал, вырвал листок, сложил, отдал Аркадию.

– Я не смогу угадать, – сказал Евгений.

– Почему? – огорчился Вагнер, но огорчился весело.

– Потому что все равно, что вы написали. Вы не то написали, что подумали, а то, что придумали. Какой-нибудь перпендикуляр. Потому что, хотя вам чуда хочется, вы его боитесь и не хотите, чтобы оно было.

– Ну, это ты зря! – возразил Вагнер. – Если так рассуждать, получится, что я и вылечиться не хочу?

– Не хотите. Никто не хочет лечиться. Болезнь людей оправдывает, а им всегда нужно какое-нибудь оправдание.

– И ведь опять попал, – с неудовольствием удивился Вагнер. – И насчет меня, и вообще – да, согласен, люди оправдание ищут себе. Всегда.

Аркадий развернул бумажку. Он надеялся, что там и впрямь будет слово «перпендикуляр», но там было «кирпич».

– Почему кирпич? – спросил Аркадий.

– Черт его знает. Может, потому, что дачу строю. Старую продал, участок маленький, сама дачка маленькая, а у меня два сына-бездельника, старший женат уже, внучку мне родил, пространство требуется.

– Давайте теперь я попробую, – предложил Аркадий. – Напишу, о чем думаю, а ты, Женя, угадай. Я врать не буду.

– Зачем пробовать? Ты напишешь: Светлана, – сказал Евгений.

Вагнер кашлянул и прикурил вторую сигарету от первой. Упоминание имени Светланы было ему неприятно.

– А вдруг я что-то другое напишу? – сопротивлялся фатальности Аркадий.

– Все другое будет неправда, потому что ты о ней думаешь.

– Да, я о ней думаю, – подтвердил Аркадий, обращаясь к Вагнеру, и в голосе слышался вызов.

Вагнер это уловил и встал со ступеньки.

– Работать пора. Ты идешь?

– Вы мне? – не поверил Аркадий.

– А кому еще? Родственник твой, может, и гений, но явно же человек неадекватный.

На инвалидности, наверно?

– Да, – сказал Евгений.

– Вот, и я людей насквозь вижу!

– Нет, Яков Матвеевич, давайте уточним! – потребовал Аркадий. – Я не против работать, но что нам делать с ситуацией?

– Именно! – поднял палец Вагнер. – Ситуация, правильное слово! Ситуация такая, Аркадий, что поселок на пороге новой жизни. Ты слышал, что опять возрождают идею крупного железнодорожного узла?

– Давно говорят.

– Раньше говорили, а теперь все серьезно. Думаешь, почему к нам уже сейчас приехали люди из Москвы? Что они тут готовят, для кого? И весь поселок понимает, что надо напрячься и быть заодно! И тут явилась твоя Светлана...

– Она не моя.

– Явилась, – нажал Вагнер, – и устроила с твоей помощью то, за что мне еще отвечать придется! Но я в данном случае не о себе думаю, а о перспективах новой жизни для людей!

– Соврал Яков Матвеевич, привычно веря в собственное вранье, – повествовательно произнес Евгений, будто он был учитель и диктовал школьникам в солнечном и слегка поутреннему сонном осеннем классе что-то приятное о природе из Тургенева или Пришвина.

– Сам ты врешь! – разозлился Вагнер. – Если бы я о людях не думал, зачем мне эта работа? Дети выросли, сами себя обеспечат, пенсия у меня уже сейчас получается приличная, да мне много и не надо! Жена моя, если хочешь знать, парниковые овощи выращивает, зарабатывает в три раза больше меня, я и сам это люблю, буду на рынок огурцы с помидорами возить, прокормимся! Мне газета давно в тягость, если хочешь знать!

– Я знаю, – не стал спорить Евгений. – Но вы без этой тягости жить не можете.

– Ладно, философ доморощенный, хватит болтать тут! Аркадий, повторяю, несмотря на твоего психованного брата: надо не о своих амбициях думать, а о перспективах! В кои-то веки у нас главой администрации стал порядочный человек, нужно ему помочь или нет? А теперь что получается? Вышла статья – Прохор Игнатьевич должен отреагировать. Думаешь, он Мовчана любит? Но всему свое время, это как на войне – если нет тылов, нет резерва, нет боеприпасов, терпи, не лезь в атаку с голыми руками! И сам Мовчан, думаешь, зверь, что ли, если девушку посадил, да еще возможную невесту сына? Он для Прохора Игнатьевича ее посадил, чтобы тот понял, что Мовчан ответит на любой удар. Тактика! Бей своих, чтобы чужие боялись! То есть наоборот. Или правильно? Ладно, неважно. При этом, хоть Мовчан паразит, но он свой паразит. Родной, можно сказать. Крамаренко понимает, что Мовчану тоже ведь надо в хорошем свете показаться, когда из Москвы приедут. И он сейчас будет действовать людям на пользу, даже если этого не хочет. Я вот предположил, что Светлану он посадил в качестве ответного удара, а может, это сигнал не для Крамаренко, а для криминальных элементов?! Тех же самых третьяков? Вроде того: смотрите, поймаю, никого не пощажу! Кем бы они ни оказались!

– Яков Матвеевич, не уводите в сторону! – Аркадий был ошарашен причудливым ходом мыслей Вагнера. – При чем тут Крамаренко и третьяки? Конкретный человек написал конкретную правду и пострадал!

– Какая еще правда? Правда – когда все доказано!

– Да все знают...

– Знают – не доказательство! И формально, и по существу Мовчан имеет полное право считать это клеветой! И на нас собирався в суд подать, если бы не мое опровержение! Я сам Мовчана, может, в землю закопал бы, – Вагнер оглянулся и понизил голос, – но не сейчас! Ты вот мне про опровержение опровержения мозги крутил, а я тебе говорю членораздельно: Мовчан только этого и ждет! Потому что опровержение опровержения не может появиться в газете, которая орган администрации, без ведома главы администрации, и пусть мы с тобой будем знать, что Крамаренко тут ни при чем, Мовчан этого знать не будет, а если и будет знать, сделает вид, что не знает, потому что ему выгоднее все свалить на Крамаренко, чтобы убрать Крамаренко, чего не только Мовчан хочет, а и многие другие!

– Ты что-нибудь понял? – растерянно спросил Аркадий Евгения.

– Евгений понял главное, – ответил Евгений. – Он понял, что Яков Матвеевич нарочно запутывает то, ясность чего ему понятна, но слишком неприятна.

– Если кому ума не хватает, я не виноват, – вяло отбилсЯ Вагнер, который утомился от этого разговора и желал вернуться к привычной работе.

Он открыл дверь, Аркадий двинулся за ним, и Вагнер удивился:

– Ты куда?

– Вы меня позвали.

– Поторопился. Сам подумай, как это будет выглядеть? Меня никто не поймет. Ни там, – Яков Матвеевич показал рукой в сторону помещения редакции, имея в виду коллектив, – ни там, – он показал куда-то в сторону и вверх.

И скрылся за дверью, захлопнув ее с нарочито громким стуком.

Оказавшись в сенях, он остановился и шепотом попробовал выругаться.

Получилось.

Выругался еще раз.

Опять получилось.

С облегчением вздохнув, Вагнер открыл дверь в редакцию и, еще не разглядев безделья, но уверенный, что без него оно уж точно обуяло нерадивых подчиненных, закричал:

– Тут... не цирк, чего уставились..., ...? – Пока номер до последней точки не сверстаем ... – никто сегодня не уходит!

Ругательства высказывали без запинки, но Яков Матвеевич не чувствовал в них привычного азарта и вкуса, маленький Вагнер, о котором говорил Евгений, болезненно толкался где-то в животе, как беспокойный плод беременной женщины.

Он сел за свой стол и стал вычитывать сегодняшний номер. Яков Матвеевич всегда гордился тем, что делает это регулярно, что в отличие от многих редакторов все проверяет собственноручно, вернее, собственнoглазно.

Перед ним был материал о будущем Празднике Дружбы. Этот праздник с незапамятных времен устраивался на пограничной улице Мира. Раскидываются с обеих сторон торговые ряды со всякой всячиной, звучит музыка, люди и гуляют, и покупают, и межнационально общаются, а вечером торжества: украинское и российское начальство произносит приветственные речи, обращаясь друг к другу и к собравшемуся нарядному народу, потом парад ветеранов труда и войны, потом проезжают прекрасные всадницы на породистых лошадях из конюшни, что издавна существует в украинской части Грежина, потом выступает смешанный женский хор, красавицы, кто в сарафанах, кто в вышиванках, поют песни на четырех языках: кроме русских и украинских обязательно исполняют в конце «Хава нагила» и «Багъчаларда кестане» – из уважения к еврейской и крымско-татарской диаспорам, от которых, правда, в новые времена почти никого не осталось, но сохранилось зато уважение к традиции.

Праздник проводился обычно в первую субботу октября, когда собран богатый урожай овощей и фруктов, когда еще тепло и солнечно, но уже не жарко. А в этот раз решили приурочить торжества к моменту приезда Самого. Всем сладко мечталось, что этот Сам будет тот самый Сам, кого больше всего ждут. Остальные тоже имеют вес, но далеко не такой. Если сравнить со спортом, то этот Сам настолько был в описываемое время выше других, что занимал безусловное первое место при отсутствии второго, третьего и так далее, остальные начинались с места хорошо если седьмого-восьмого, скорее с двузначного, а меж ними была полная пустота.

Газете «Вперед!» и лично Вагнеру было указано, что нужно подготовить население к переносу праздника, дать ряд материалов на эту тему.

Яков Матвеевич как раз и читал одну из статей, где говорилось, что гораздо логичнее подбодрить людей праздником не тогда, когда труженики села отдыхают после летней страды, а грежинцы – после сбора бахчевых и садово-ягодных культур на своих дачных и приусадебных участках. Им стимула в это время не нужно, они и без того настроены на веселье и отдых. Нет, повысить трудовой настрой лучше именно в процессе труда, кратко-временно от него отвлекшись. Минутная передышка в бою ценнее, чем неделя отпуска по окончании войны, писалось в статье, это было сравнение, найденное самим Яковом Матвеевичем, и он им гордился.

Но не теперь. Теперь он поймал себя на том, что читает текст с брезгливостью, близкой к отвращению. Конечно, газетный язык и язык живой – разные вещи, никто в жизни не скажет «труженики села», «страда», «бахчевые культуры», «трудовой настрой» и так далее. Но это всего лишь условность, газетный жанр, привычный и обкатанный. Однако Вагнера почему-то почти физически тошнило, а сравнение с войной заставило поморщиться, он взял красную ручку и густо зачертил раздражающие строки. А потом и другие. А потом перечеркнул крест-накрест и всю передовицу.

Нужно сказать Маклакову, ветерану газетного дела, чтобы написал другую статью о чем-нибудь другом. Или нашел в заделе. Или, и такое иногда случается, посмотрел бы прошлогодние номера, всеми уже забытые, выудил оттуда что-то подходящее, заменил бы пару фраз – и готов материал. Конечно, не очень хорошо, но газета дело горячее, приходится идти на небольшие компромиссы.

Вагнер поднял голову и посмотрел на седовласого Маклакова, который уставился на компьютер. То ли работал, то ли играл в любимую игру «Сапер». Яков Матвеевич как-то в добрую минуту спросил его неофициально, как можно в десятитысячный раз играть в одно и то же? Маклаков ответил: дело в рекордах. Его личный рекорд уничтожения всех мин был две минуты, потом минута пятьдесят, потом минута сорок, это отличный результат, но он хочет превзойти собственное достижение и вот уже полгода пытается уложиться меньше, чем в минуту сорок. Пока не получается.

Яков Матвеевич, глядя на Маклакова, медлил.

Он вспоминал Евгения, необычного человека, говорящего о себе в третьем лице. Этот странный брат Аркадия подействовал на Вагнера больше, чем того хотелось бы, он чем-то тревожил, заставлял о себе думать. С одной стороны, выглядит глупо, размышлял Вагнер, взять вдруг и произнести не «я сказал», «я пошел», «я подумал», а – «Вагнер сказал», «Вагнер пошел», «Вагнер подумал». Так в детстве дети о себе говорят. Что значит – в детстве дети? Разве дети бывают не в детстве? А может, и бывают, есть в этой мысленной оговорке какая-то неявная глубокая правда. И в манере Евгения эта правда тоже чувствуется. Когда ты просто говоришь, ты не всегда вслушиваешься в свои слова, они произносятся как бы сами, по мере необходимости. Но только прозвучит: «Вагнер сказал», – и тут же все воспринимается иначе, ты будто слышишь себя со стороны, поэтому поневоле относишься к своим словам задумчивее.

Это было какое-то наваждение, Якову Матвеевичу нестерпимо захотелось обратиться к Маклакову, начав именно с этих слов: «Вагнер сказал». Интересно, как тот воспримет? А другие?

Будто чесалось на языке, Яков Матвеевич не удержался и попробовал, произнес тихим шепотом, почти без звука: «Вагнер сказал Маклакову: Семеныч, будь добр...» – и тут же осекся. Вот что значит услышать себя со стороны: обычное обращение к пожилому Валерию Семеновичу показалось фамильярным, неуважительным. Маклаков на пятнадцать лет старше, у него газетный стаж сорок лет, у него уже не только внуки, но и правнук недавно родился, а ты ему: «Семеныч». Но как сказать иначе? «Будьте любезны, Валерий Семенович»? Такое обращение, пожалуй, напугает старика, всем же известно, что переход начальства на подчеркнуто вежливый тон не сулит ничего хорошего. Надо помягче, душевнее. «Валерий Семенович, не трудно вам будет...» – и изложить суть просьбы.

– Что? – услышал вдруг Яков Матвеевич.

Вагнер посмотрел на Маклакова, который вопросительно смотрел на него. Значит, он вслух это произнес? При этом, похоже, обошелся без «Вагнер сказал».

Наваждение кончилось. Вагнер встряхнулся и начал распоряжаться, входя в привычную колею.

Глава 3

Жартувала баба з колесом, доки у спицях не застрягла

3

Аркадий в это время подрулил к тыльной стороне одноэтажного здания казенного безликого вида, вышел из машины, встал под зарешеченным окошком и негромко позвал:

– Светлана!

– Аркадий? – почти сразу же отозвался девичий голос, мелодичный, но с некоторой охрипльностью, с шершавинкой, как это бывает у девушек спросонья, когда они еще не успели ни о чем дневном подумать, а потому не ждешь от них ничего злого или доброго.

– Как ты? – спросил Аркадий.

– Нормально.

– К тебе пускают?

– Мама вчера приходила. Может, и тебе позволят.

– Сейчас! – загорелся Аркадий. – Жди!

Он вскочил в машину, Евгений поспешил за ним. Они поехали вокруг здания.

– Скорее всего не пустят, гады! – заранее сердился Аркадий.

Уверенность в неисполнимости какого-либо дела обычно придает человеку очень уверенный вид. Когда он надеется, то осторожен, робок, зыбок, боится спугнуть надежду, а когда все предопределено, бояться нечего, можно лезть нахрапом – все равно не получится.

Вот Аркадий и попер напролом, заявив дежурившему сержанту:

– В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, если заключенный не осужден по суду, ему разрешены свидания!

На самом деле Аркадий понятия не имел, действительно ли заключенному разрешены свидания, если он не осужден. Но он полагался на то, что и сержант этого не помнит. Полиция, как всем известно, в законах не очень-то разбирается, потому что знание их вызывает лишние сомнения, а сомнения мешают практической деятельности по пресечению нарушения законов.

Сержант Клюквин четко понимал одно: пустить или не пустить Аркадия есть выбор его доброй воли. Причем, если не пустит, ему ничего не будет. А вот если пустит, могут быть неприятности.

Но ему было скучно, поэтому Клюквин почти доброжелательно спросил Аркадия, с которым когда-то учился в школе:

– К Светланке, значит?

– Ну да.

Аркадий в голосе Клюквина услышал надежду, поэтому тут же размяк – на радость сержанту, которому это сулило развлечение.

– Сереж, в самом деле, я хоть через решетку с ней поговорю, – попросил Аркадий.

– Конечно. А хотел бы и за решетку попасть? Она ведь там одна сидит. Вернее, извини за выражение, лежит. На топчанчике. Жестко, конечно, но я бы и на жестком ее с аппетитом... – И Клюквин выразил словом, что бы он сделал со Светланой с аппетитом.

Аркадий оскорбился, но вслух этого не высказал: опасался, что появившаяся надежда тут же рухнет.

---

³ Шутила баба с колесом, пока в спицы не попала.

– Ладно тебе, – сказал он миролюбивым и солидарным мужским голосом, намекая этим, что воспринял охальность сержанта не как действительное желание по отношению к Светлане, а как желание вообще.

Но сержанта на этом поле трудно было обыграть.

– А чего, – сказал он. – Запросто! Я бы ее и так, и так, и так! – Он конкретно и зримо описал те положения тела Светланы и отдельных его частей, с которыми поступил бы соответственно своим запросам.

Аркадий не выдержал.

– А может, хамить не будем тут при исполнении? – спросил он сержанта.

Тот обиделся: Аркадий забыл школьную дружбу и не хочет говорить с ним по-человечески, назвав хамством вполне безобидные слова. Нет, на самом деле Клюквин, конечно, понимал, что это, в общем-то, хамство, но хамство в разумных пределах, позволенных ему именно при исполнении, и оправданное тяжелой службой.

– Не нравится – до свидания, – коротко сказал он Аркадию.

Тут вступил Евгений.

– Евгений видел, – сказал Евгений, – что на самом деле Сергею очень хочется пустить Аркадия. Ведь это красиво: смотреть, как молодой мужчина говорит через решетку с девушкой, которую любит. Сергей хотел пустить Аркадия, но мешала служба. Но, с другой стороны, эта служба надоела, потому что нет такой службы, которая не надоест. С еще одной стороны, он привык все делать не по службе, а по разумению. Поэтому иногда ему хотелось для разнообразия поступить в соответствии с уставом. С добавочной стороны, он уже не знал, что соответствует уставу, а что не соответствует. И вдруг ему нестерпимо захотелось пустить Аркадия без рассуждений об уставах. И увидеть чужое счастье. И радоваться, что оно из-за него. Поэтому он сказал: ладно, проходи.

– Кто сказал? – Клюквин снял взмокшую фуражку и потер ладонью свой мальчишеский, выгоревший на солнце белесый ежик, ошалело глядя на Евгения. – Аркань, это кто такой?

– Это мой брат. Странновато выглядит, но он, как бы сказать... Телепат! – вдруг вырвалось у Аркадия. – Он твои мысли угадывает!

– Ничего он не угадал, я тебя пускать не собирался.

– Это тебе кажется, Серега! Про любовь мечтал?

– Я?!

Клюквин сгоряча хотел возразить, но осекся. Сказать, что не мечтал? Но какой же мужчина в возрасте двадцати восьми лет не мечтает о любви? Он что, больной? Импотент? Или, прости господи, человек не той ориентации? Хотя, говорят, у людей не той ориентации тоже бывает любовь, но она, само собой, не такая, она грязная и извращенная. А он вполне нормальный, и мечты у него нормальные.

– Мечтал, – сознался Сергей.

– Служба надоела?

– А кому не надоест, я почти сутки на дежурстве.

– Счастье хочешь устроить другим людям?

И опять все смешалось в голове Клюквина. Пронеслись в ней пионерские песни, которые он в своем детстве уже не пел, но успел послушать, обрывки каких-то мультфильмов с улыбочивыми львятами и добрыми удавами, а потом вдруг возникла голая невеста в белом платье. То есть Сергей видел ее в свадебном платье, что для него, еще неженатого, было заманчиво, но каким-то образом одновременно и голой, с готовностью возлежащей на постели, и это было еще заманчивей.

– Ну, предположим, – осторожно произнес Сергей.

– Вот я и говорю, он все твои мысли угадал. Хочешь еще?

Сергей испугался.

Мысли, которые до этого Евгений *озвучил*, как безобразно выражались в те времена и официальные, и неофициальные лица, были вполне ничего себе. Так сказать, легальные. Даже хорошие. А если этот идиот в странной форме полезет дальше? У Сергея ведь много чего в жизни, начиная с продавщицы Нелли, которая женщина душевная, но все же связью с сорокапятилетней замужней теткой гордиться вслух не будешь, кончая регулярным сливом казенного бензина в личный автомобиль, а есть ведь и совсем потаенные мысли – о том, например, долго ли еще ему, серьезному человеку и сержанту, жить с родителями, скоро ли освободит, померев, свой домик бабушка Римма, которую, конечно, жалко, но себя еще жалче; в свой домик он смог бы заманить красотку вроде Светланы и там с нею...

Ему стало совсем жарко, пот ручейком пролился со спины в ложбинку меж крепкими ягодицами, и Сергею показалось, что даже и это двусмысленное происшествие Евгений каким-то чудом угадает, разглядит, всем расскажет, этим Клюквина опозорив.

– Быстро! – сказал он Аркадию. – Пять минут, я засекаю!

И Клюквин стукнул ладонью по своим часам.

Аркадий тут же юркнул в прохладное полутемное помещение.

– Можешь с ним, – сказал Клюквин Евгению, не желая оставаться с ним наедине.

В коридоре было тускло, а в камере, где содержалась Светлана, еще тусклее: стеклянный колпак, закрывавший лампочку, был нарочито синим, чтобы все, кто сюда попал, сразу понимали, что прежняя жизнь временно кончилась, и не сопротивлялись, не создавали препятствий работе полиции.

Светлана стояла у решетки, взявшись за прутья руками. Аркадий подошел, тоже взялся за прутья, сказал:

– Привет.

– Привет! – Светлана ободрила его улыбкой, будто не она находилась в заключении, а Аркадий.

– Здравствуйте, – сказал Евгений. Достал коробочку и начал туда наговаривать, глядя на Светлану: – В жизни эта девушка оказалась еще лучше, чем на фотографии, несмотря на плохое освещение. Евгений смотрел на нее и понимал, что она лучшая из всех, кто ему встречался. И никогда он не встретит лучше ее. И он вздохнул с облегчением.

– Почему? – засмеялась Светлана, которая, похоже, не удивилась странному человеку.

– Потому что, – объяснил ей Евгений, – ни один мужчина не успокаивается всю жизнь. Он влюбляется и даже женится, но всегда сомневается, что ему попала лучшая девушка. Он мечтает еще о ком-то. О тех, кто лучше. И девушки тоже. И женщины. Поэтому жизнь людей печальна. Но бывает, кому-то повезет, он встречает действительно лучшего человека. Жениться на нем, то есть на ней, или выходить замуж, если это мужчина, даже не обязательно. Нужно просто знать, что такой человек есть. И жить, а не мечтать. И любить того, кто есть, заранее понимая, что это второй сорт, но относиться к этому спокойно. Любить второй сорт за то, что это второй сорт, а не потому, что тебе не досталось первого. Потому что на самом деле никаких вторых сортов нет, а лучший человек тот, кого ты любишь. И хоть это неправда, но нам нужна не правда, а покой.

– Это мой брат! – сказал Аркадий. – Он немного того, но ты не обращай внимания. Он тихий, и у него справка есть.

– Евгений не мог не отметить, что Аркадий слегка предал его, – сказал Евгений. – Он сразу дал понять Светлане, что второго мужчину нельзя принимать всерьез, что он Аркадию не конкурент и не соперник.

– Вы всегда так говорите? – спросила Светлана, вглядываясь в Евгения.

– Можешь не беспокоиться, – сказал Евгений не ей, а Аркадию. И тут же обратился к Светлане: – Я не ответил на ваш вопрос, это грубо, но я нарочно это сделал, чтобы лишить себя шансов, чтобы вы, даже случайно, не влюбились, потому что вам нельзя влюбляться в такого человека, как я. В Аркадия вам можно влюбиться, но ненадолго. Он хороший человек, но он переходный этап, вас ждет кто-то такой, кто будет вас достоин, хотя вам это и не принесет счастья. Счастье будет потом, после горя с этим достойным человеком, если останетесь живы.

– Слушай, брат, ты это уже слишком! – осадил Аркадий. – И вообще, давайте по делу. Женя хоть и странный у нас, но сумел уговорить Серегу, представляешь? Тот нас пустил! Я подозреваю, Женя вообще может уговорить кого угодно! И это надо использовать!

– Я не буду никого использовать. Мовчан меня посадил – отлично! Пусть будет суд. Я этого хочу!

– Да не будет суда! Он тебя тайком вышлет, да и все! Упрячет куда-нибудь неизвестно куда!

– Думаешь?

– Светлана смутилась, – сказал Евгений. – Она была очень умная девушка, она умела разгадывать хитрые помыслы людей, но при этом часто не видела совсем простых ходов и планов.

– Точно, – согласилась Светлана. – Все равно что трехзначные числа в уме перемножать, а сколько дважды два – забываешь. И что делать? – спросила она Аркадия.

– Я уже решил! Пойду прямо к Мовчану. Скажу ему... Найду, что сказать.

– Только не говори, что я согласна на примирение. За моего отца он должен ответить – и ответит!

– Выкрикнула Светлана с решительностью амазонки! – тут же прокомментировал Евгений.

Светлана поморщилась: сравнение с амазонкой ей не понравилось.

– А я бы на вашем месте пообещал, что примиритесь, – сказал Евгений. – Ведь он, как я понял, подлый человек. Его можно обмануть.

– В самом деле, – поддержал Аркадий. – Ему сейчас конфликт не нужен.

– Как-то нехорошо, – вслух размышляла Светлана.

– Это хорошо! – возразил Евгений. – Он, как подлый человек и обманщик, будет только рад, если кто-то тоже окажется обманщиком. Он даже лучше к вам будет относиться. Все обманщики любят обманщиков. Вы представьте: добьетесь вы освобождения честным путем, хотя вряд ли. Но допустим. А потом доведете до суда, это тоже вряд ли, но тоже допустим. И его честно осудят за фактическое убийство вашего отца и другие преступления, о которых я не знаю. Он сядет в тюрьму. Что он будет думать? Он будет думать, что его настигло возмездие, и от этого будет страшно мучиться.

– Совестью? – усомнился Аркадий.

– Нет! Его будет мучить мысль, что он пострадал справедливо. Подлецам не нравится страдать справедливо, им нравится думать, что их подставили, обвели и обманули. И если мы ему дадим такую возможность, то есть возможность думать, что он не виноват, что ему просто не повезло, тогда он будет себя чувствовать обманутым хорошим человеком. И ему будет легче. А вы ведь, наверное, хотите, чтобы он, если сядет в тюрьму, меньше мучился? – спросил Евгений с такой убежденностью в утвердительном ответе, что и Аркадий, и Светлана кивнули, хотя были не против, если бы Мовчан как раз помучился.

Оба чувствовали, что в голове их как-то прояснилось, но одновременно и слегка затуманилось. Похоже, они теперь поняли и решили, что надо делать, но при этом не совсем понимали, почему именно это.

Но они поверили Евгению, его умению убеждать. Если прямо сейчас пойти к Мовчану и напустить на него Евгения, все решится быстро и безболезненно. Они сами не понимали, откуда в них такая уверенность, но уверенность была полной.

– Все, решено! Идем! – сказал Евгений.

– Да, – сказала Светлана. – Обманывать или правду говорить, разберетесь на месте. – Если честно, я уже устала. И не высыпаюсь, и кормят плохо. Знаешь что, Аркадий? Твой брат прав. С подлецом – по-подлому. Но тогда уж совсем по-подлому. Можешь даже ему сказать, что я за его Степана замуж согласна выйти.

– А еще лучше не сказать, а действительно выйти! – посоветовал Евгений.

– Ты совсем с ума сошел? – спросил Аркадий.

– Нет. Если он такой же подлец, как отец, то Светлана может его исправить. То есть она попытается. Вряд ли что-то выйдет, он может потом отомстить Светлане и даже ее убить за то, что стал лучше вопреки своему желанию, но прежним быть уже не сможет. И капелькой добра на земле станет больше.

– И одной девушкой меньше? Что-то не сходится, – сказала Светлана. – Ладно, идите – и удачи вам!

Глава 4

Тим рогом чешися, котрим дістанеш

4

К Мовчану идти было недолго – только пересечь двор. Поселковый отдел внутренних дел располагался в двухэтажном особняке старой постройки, с лепниной по карнизу и окнам, он выглядел вполне цивилизованно и благодушно, будто и не вмещал в себя то, что во времена, о которых мы рассказываем, называлось силовой структурой.

– Почему, интересно, он сам Светлану ни разу не навестил? – размышлял по пути Аркадий. – Не запугивал, не умащивал, вообще ничего не делал. Почему?

– Для загадочности, – коротко ответил Евгений.

Аркадий хмыкнул, заглянул ему в глаза.

– Знаешь, брат, иногда мне кажется, что из тебя, как из настоящего гения, мудрость сама выскакивает. А иногда, уж прости, начинаю сомневаться.

– В чем?

– Может, ты просто очень умный и очень хитрый и косишь под психа?

– Я тоже так думал, – неожиданно ответил Евгений.

– То есть?

– Иногда мне кажется, что я гений и хороший человек. А иногда – что хитрый и подлец хуже этого вашего Мовчана.

– Да? Интересно!

– Евгений высказал одно из самых сокровенных сомнений, – сказал Евгений. – Но он высказал его нарочно. Вслух и для других. А в том, что высказывается вслух и для других, всегда есть неправда.

– Э, нет, ты куда-то совсем в другую сторону полез, я тебя не понимаю! – махнул рукой Аркадий.

При входе в здание дежурил человек званием выше, чем Серега Клюквин, это был целый лейтенант. Его звали Толя Россошанский, и он тоже знал Аркадия.

– Насчет Светы к Трофиму Сергеевичу? – спросил он.

– Да.

– Бесполезно.

– А ты позвони и скажи, что я уполномочен от ее имени вести переговоры.

– Если бы он захотел, сам бы с ней переговорил.

– Он хочет, но не может, – предположил Евгений. – Судя по всему, Светлана ему нравится. Но это значит перейти дорогу любимому сыну.

– Новая мудрость! – озадачился Аркадий. – Ты с чего это взял?

– Красивая девушка в одинокой тюрьме – это эротично. Она там беззащитная. Страдающая. К ней так и хочется прийти. Любой бы пришел. А он нет. Неспроста!

– И ведь правда! – качнул головой Россошанский. – Я бы не утерпел. Даже думал об этом, но, если Мовчан узнает... Ты кто, умник?

– Я брат Аркадия, Евгений.

– А почему так одет? Не из ополченцев⁵, случаем?

Евгений сказал:

---

⁴ Тем рогом чешишь, котрым достанеш.

⁵ Ополченцами тогда называли тех, кто воевал на юго-востоке Украины за свою землю, принадлежащую Украине.

– Евгений увидел в глазах лейтенанта интерес к войне и смерти, он понял, что тот уважает ополченцев, и ответил: да, я в каком-то смысле ополченец.

– Что значит – в каком-то смысле? И что ты там в моих глазах увидел? Какая еще смерть? Кто он? – обратился лейтенант за разъяснениями к Аркадию.

– Брат мой. Из Пухова. Это возле границы. Там у них, похоже, в самом деле что-то вроде ополчения, – на ходу сочинил Аркадий: что-то ему подсказывало, что эта придумка пойдет на пользу.

– То-то он выглядит как контуженный. Я тоже добровольцем запишусь. Или дождусь, когда тут начнется. Грежинцы украинские давно к нам хотят. Поселок один, а страны две, глупость какая. Вот я тогда наваляю кому надо! – с мальчишеским задором помечтал Россошанский.

– Ты позвони Мовчану-то, – сказал Аркадий.

Россошанский подошел к телефону, висящему на стене, снял трубку, набрал короткий номер, заслоня аппарат собой, словно номер могли увидеть, и начал что-то говорить негромким и секретным голосом. Повернулся к братьям, осмотрел их с ног до головы, будто проверял на пригодность к тому, чтобы общаться с Мовчаном. Несколько раз прозвучало имя Светланы – как пароль. Наконец он закончил разговор, вернулся к Аркадию и Евгению, потребовал документы, вписал паспортные данные в журнал, заставил расписаться и после этих важных и бессмысленных действий пропустил посетителей.

Через несколько минут братья входили в кабинет майора Мовчана, где, кроме Трофима Сергеевича, была женщина лет тридцати пяти в погонах; она хмуро, стесняясь своей миловидности, что-то докладывала майору.

Евгений повел себя странно и резко, таким Аркадий его еще не видел.

– Окопались тут? – закричал Евгений весело и сердито, будто имел право кричать, будто недавно рисковал жизнью, защищая тех, кто сидит себе в далеком тылу и ничего не делает. – Там люди кровь проливают, а они тут, понимаете ли! Как будто ни при чем, понимаете ли! Молодцы, просто молодцы! Будто ничего не изменилось! А я вам скажу: все изменилось! Прежней жизни уже не будет! Никогда! И кто первый это поймет, тот выиграет, а кто не поймет, тот проиграет! Неужели не ясно? – Евгений развел руками и сел на один стульев за длинный стол, стоящий поперек к столу Мовчана. Аркадий тоже присел, наблюдая и решив пока не вмешиваться.

– В чем дело, граждане? – спросил Мовчан. – Аркадий?

Женщина в погонах глянула на майора удивленно. Всякого, кто ворвался бы вот так в кабинет и посмел с порога повысить голос, Мовчан на месте бы уничтожил, а сейчас почему-то этого не сделал.

Мовчан и сам был удивлен, но своему удивлению не удивлялся, втайне понимая причину. Услышав Евгения и увидев в его глазах безумную правоту войны, он вспомнил, что ведь война и в самом деле бушует не так уж далеко от Грежина, что люди там сражаются и гибнут, а он сам, хоть при оружии и в форме, не сражается и не гибнет; каждый мужчина в такой ситуации чувствует невольные уколы совести.

– Мы, собственно, по поводу Светланы Михайловны Зобчик, – заявил Аркадий.

– При чем тут она и... – Мовчан указал головой в сторону Евгения.

– Все связано! – объявил Евгений. Эти слова ему самому понравились, он достал диктофон и продолжил говорить присутствующим и в свою коробочку: – Все связано! В условиях войны каждый из нас должен забыть про свои личные интересы и думать об интересах страны! Не мстить кому-то там неизвестно за что, а всю энергию направить против настоящих врагов, которые только рады, что мы отвлекаемся на пустяки между собой! У вас какие-то третьяки под носом орудуют! Люди гибнут каждый день! Десятки населенных пунктов без электроэнергии, света и тепла!

Мовчан, Аркадий и женщина в погонах слушали его, опустив головы, с чувством беды и вины. Все, что происходило, словно навалилось на них свинцовым туманом, им было совестно, больно и страшно.

Евгений щелкнул кнопкой, выключая диктофон с ощущением выполненной миссии.

Но тут же опять включил его и сказал, глядя на Мовчана:

– Евгений видел, что Трофим Сергеевич смотрит перед собой тяжким взглядом, с болью за Родину. Как все нечестные и вороватые люди, он ждал в жизни случая сделать что-то правильное и большое, чтобы потом со спокойной совестью продолжить быть нечестным и вороватым.

Мовчан встряхнулся при этих словах и пробурчал, бурея лицом:

– Ну, ты совсем заврался! Нечестный и вороватый разве не одно и то же?

– Евгений не мог не заметить, – заметил Евгений, – что Трофим Сергеевич говорит с ним почти дружески, с упреком, но без гнева, значит, готов на равный спор. К тому же Трофим Сергеевич обратил внимание на второстепенные слова, а не на суть, значит, с этой сутью он был согласен. А нечестный и вороватый, конечно, разные понятия. Нечестный может быть склонным к воровству и другим похожим поступкам, но по разным причинам удерживается. Евгений знал многих нечестных, но замечательных людей. А вороватый человек, наоборот, может быть в душе честным, но фактически – ворует.

– А ты фактически хамишь тут! – резко сказала женщина в погонах.

Она раньше других пришла в себя. И это объяснимо, женщины вообще устойчивее во многих случаях. Мужчина, попадая в острое положение, часто сразу же увлекается, забывает свое прошлое и даже настоящее, он весь в этом моменте, в этой борьбе, в этом споре, а женщина в любое место приходит с памятью о своей жизни, о семье, о детях, о ежедневных заботах, поэтому она защищает не только то, что вот сейчас возникло, а заодно и свою жизнь, семью и детей. К слову сказать, у Ангелины Порток, капитана районной службы МЧС, детей не было, как и семьи, но она всегда понимала, что семья и дети – это правильно, это существующий порядок вещей, на который посягать нельзя, как и нельзя без спроса врывать к начальству и хамить ему.

– Спокойно, Геля, – сказал Мовчан. – Человек, может, нервничает из-за сама понимаешь чего, вон что вокруг творится. Воевали? – с уважением осведомился он у Евгения.

– Нет, но собираюсь.

– Вот так вот! – сказал Мовчан Аркадию. – Помнишь, я вас, журналистов, собирал и говорил, что в народе зреют настроения и их надо отражать? Вот они – настроения. Человек готов уже без всякого приказа взять в руки судьбу, а мы, понимаешь, боимся инициативы. И зря.

– Разве что с этой позиции смотреть. Тогда оправдано, – пошла на попятную Геля. – Хотя если каждый вот так, то не разберешься.

– Разберемся, – успокоил Мовчан. – Про большое дело человек сказал правильно. Те же третьяки. Почему на них не организовать патруль типа народной дружины? Вы об этом в своей газете пишете, Аркадий? Нет. Или возьмем другое. Приезжает, как известно, сами знаете кто...

– Неужели все-таки Сам? – вспыхнула Геля, радуясь, как должностное лицо, как женщина и как вероятная мать, для которой любой сильный мужчина представляется вероятным отцом.

– Есть такая информация, – кивнул Мовчан, который не имел никакой информации, но очень хотел, чтобы она была. – Так вот, он очень одобряет народные объединения и организации, которые неформально. Если у нас что-то такое будет, вы представляете, какой нам плюс? Ты бы, Аркадий, помог человеку. Опять же в газете информацию дать. И организа-

ционно, – гладко выговорил Мовчан, явно гордясь умением произносить сложные слова, – и всяко разное. Ты активный у нас, боевой.

– Что имеется в виду? – не понимал Аркадий.

– Я же сказал: что-то типа народной дружины для оказания помощи в поддержании правопорядка. Как у нас здесь, так и в проблемных соседних регионах, если они возникнут. Люди рвутся, не удерживать же их!

– Точно! – согласилась Геля. – У меня трое добровольцами воевать пошли. Говорят, мы тут рискуем, в огонь и воду лезем за копейки, а там в десять раз больше платят за то же самое. Плюс патриотизм, – спохватилась она.

– Именно! – подхватил Мовчан. – Так что, ребята, идите и действуйте!

– Извините, – сказал Аркадий. – А как же насчет Светланы, Трофим Сергеевич?

– А что Светлана? Она не из-за меня сидит, хотя я и пострадавшее лицо ввиду гнусной клеветы.

Геля закивала, тоже возмущенная гнусной клеветой, хотя, конечно, знала, что никакой клеветы нет, все чистая правда, но само выставление правды наружу, напоказ всем людям, среди которых слишком много дураков, она считала недопустимой поблажкой этим самым дуракам.

– Она с согласия прокурора сидит, и я в данном случае без его ведома ничего сделать не могу...

– Солгал Трофим Сергеевич, – в своем обычном духе продолжил Евгений слова Мовчана, – что было видно по его веселым глазам, глазам человека, который не только привык лгать, а делает это с удовольствием.

– Гляди-ка, угадал! – расхохотался Мовчан. – Угадал, да не совсем! Согласие по умолчанию имеется, поскольку Иван Ефремович никаких возражений мне не предъявил, а он, конечно, в курсе. Ладно, успокою вас: завтра мой Степа придет, и я Светлану отпущу. А то натворит что-нибудь, не дождавшись своего счастья, ей же будет хуже!

– Степа придет? – эта новость была для Аркадия неприятна. – Неужели он надеется... Не выйдет она за него! Даже смешно! Кто может заставить человека?! Давно уже двадцать первый век на дворе!

– Это кому как, – усомнился Мовчан.

Евгений положил руку на плечо брата с заботливостью старшего фронтowego товарища:

– Не волнуйся, Аркадий. Трофим Сергеевич, как отец, сделает все, чего хочет его сын, но сделает так, чтобы из этого ничего не получилось, потому что он сам Светлану любит.

Женщина в погонах аж дернулась.

– Ну вы вообще! Дичь какая-то!

Мовчан стал полностью серьезным, впервые за время разговора. Он вообще умел в жизни экономить себя, найдя хороший способ – относиться ко всему с юмором. Трофим Сергеевич душой планировал над действительностью, изредка с нею соприкасаясь. Когда однажды пришлось в целях целесообразности собственноручно застрелить человека, которого надо было застрелить, Трофим Сергеевич не стал корчить злобное лицо и обвинять убиваемого, как это делают в кино отрицательные герои, желая себя чем-то оправдать, он сказал вполне по-доброму: «Вот так, братка. Сегодня я тебя, завтра ты меня. Такова жизнь!» – «Как же я сумею завтра тебя, если сегодня умру?» – спросил бледный убиваемый, не верящий, что его убьют. «В самом деле! – засмеялся Мовчан. – Извини, ошибка вышла!» И застрелил человека, а потом, когда вспоминал об этом и когда, как тошнота с похмелья, подступала непрощенная совесть, тут же сердобольная память подсовывала эту удачную шутку, и сразу становилось легче.

Видимо, Евгений задел за живое, за самое живое, что было в Трофиме Сергеевиче.

– Ты с чего это взял, убогий? Кто тебе это в уши надул?

– Он гениальный человек, – ответил Аркадий за Евгения. – У него дар: видит человека насквозь.

Мовчан никогда в такие вещи не верил. Как можно видеть человека насквозь, если человек в принципе непроницаем? Любой человек – стена, дверь, в лучшем случае окно. Стену можно пробить, дверь выбить, через окно увидеть то, что за окном. Но в самой стене, в самой двери, в самом окне ничего разглядеть нельзя. Там, внутри, темно. Да, стекло окна прозрачно, но вещество стекла – тоже темное. Не этими словами Мовчан, конечно, думал, но об этом. Проще говоря: человек – оболочка. Все, что нужно, и так видно, без всяких «насквозь».

Но сейчас, ошарашенный словами Евгения, он впервые подумал, что, возможно, в человеке действительно есть что-то, кроме поверхности.

Да, он очень хотел женить Степу на Светлане. Почему? Потому что она девушка порядочная, он всегда хотел такую жену сыну. И внуков она ему родит красивых. Красивое Мовчан любил – у него и дом красивый, и машина, и во дворе кустик к кусту, клумба к клумбе, жена старалась. Жену он тоже полюбил за красоту, а потом разлюбил, когда она увяла, но разлюбил спокойно, не упрекая ее ни вслух, ни мысленно, хотя и мог бы.

Мысль о том, что он сам любит Светлану, его словно ударила. Словно треснула стена и под штукатуркой обнаружился не ожидаемый кирпич, а что-то вроде клада, – в кладу же Мовчан тоже никогда не верил, как и во все остальное сверхъестественное, включая Бога. Бог ведь ни разу не явил ему хоть крошечное свидетельство или доказательство своего существования – так с какой стати?

И вот теперь его будто уличили заодно и в вере, будто он сам себе сказал без всяких доказательств и свидетельств: да, Бог есть.

Вскрыл его, получается, этот странный человек, вскрыл, как старую консервную банку с выцветшей этикеткой, найденную в погребке. Никто не помнил, что в ней, да и неважно – что бы ни было, давно протухло; а вот нет, оказывается: прямо пахнет, как килька в томате, и кровоточит соком так, что захлебываешься слюной.

Мовчану нестерпимо захотелось пойти к Светлане, увидеть ее и понять, правду ли сказал Евгений.

Поэтому он скомандовал:

– Так, всё, ушли отсюда!

И братья удалились.

Геля хотела обсудить это странное посещение, а потом текущие дела, но Трофим Сергеевич и ее попросил уйти: требуется сделать десяток срочных звонков.

Она ушла, Мовчан посидел минут пять, собираясь с чувствами, а потом не спеша вышел из кабинета, потом из здания и пошел к изолятору – прогулочным шагом, будто не знал, чем себя развлечь, вот и решил от скуки заняться прямыми обязанностями, но без суеты, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений.

Аркадий был недоволен.

– Он ведь нас обвел, Женя.

– У него такая работа, – не волновался Евгений. – Зато хорошая мысль насчет дружины.

– Полная ерунда!

– Не согласен. Но мне теперь надо срочно жениться.

– Зачем?

– Чтобы у меня была вдова, когда я погибну. Кому охота погибать, если о нем никто не заплачет?

Глава 5

Око бачить далеко, а розум ще далі...

6

Мовчан подошел к камере Светланы тихо, скользящими лыжными шагами, ему хотелось, чтобы сначала он увидел ее, а не она его.

Светлана лежала на деревянном топчане, отвернувшись к стене. Неподвижно, будто спала.

Мовчан знал: если начать о чем-то думать сразу, легко ошибиться, человек часто принимает за правду именно то, что с первого раза приходит в голову. Не потому, что он доверчив, просто лень думать дальше.

Поэтому Трофим Сергеевич подбирался к тревожному вопросу издали.

Сперва подумал о том, что остальные камеры изолятора пусты, и это свидетельство не такой уж плохой работы ОВД и его лично, ибо качество работы, как учили их на недавнем областном семинаре, определяется не столько пресечением и раскрытием совершенных преступлений, сколько профилактическими мероприятиями по недопущению противоправных деяний.

Потом он подумал о том, что условия здесь вполне сносные: через решетку свободно поступает воздух, топчан широкий и деревянный, а не из кирпича или бетона, как бывает в некоторых учреждениях подобного типа – не от склонности работников к мучительству, просто из кирпича и бетона надежней, дерево же то и дело приходится чинить.

Потом он подумал, глядя на Светлану общим взором, не вглядываясь в частности, что всегда хотел, кроме сына, иметь дочь. И она у него есть – семилетняя Оксанка от женщины Ирины, что живет в украинской части Грешина. Само собой, Ирина красива, и домик Ирины красив, и Оксанка красива, обе, и мама и дочка, хорошо одеты и ни в чем ни испытывают недостатка. Мовчан ведь бескорыстный человек, все, что зарабатывает честным, не совсем честным и совсем нечестным трудом, он тратит на свои две семьи. К Ирине приезжает редко и тайно, чтобы не узнала и не огорчилась жена. А если остаются деньги после трат на семейные нужды, Трофим Сергеевич балует себя тем, что больше всего любит, – красотой. Едет в Ростов-на-Дону, где доверенные люди подыскивают ему самую красивую из вновь поступивших на рынок телесных услуг девушек, он уединяется с ней и получает эстетическое наслаждение, как меломан от музыки или любитель изобразительного искусства от гениальной картины. А что платит деньги – да, платит, но никто ведь не возмущается, когда меломан за деньги приобретает билет на концерт, а любитель изобразительного искусства – в музей. Единственное, что смущало Трофима Сергеевича, – сам он не очень красив: волосы на голове стали совсем редкие, живот великоват, ноги тонковаты. Поэтому он всегда устраивает полутьму – так, чтобы можно было разглядеть в девушке лучшее, а она не огорчалась изъянами его телосложения. И часто завязывает юной красавице глаза, предварительно обласкав ее и успокоив. Чтобы не смотрела. Ведь, к примеру, когда ты любишься какой-нибудь Джокондой, ты вовсе не желаешь, чтобы и она тебя видела. Даже страшно вато представить. Трофим Сергеевич всегда предупреждал девушек, чтобы они не пытались изобразить симпатию, искусственную страсть и тому подобное. Ведь это все равно что картина в пляс пойдет – кому это понравится? Нет, девушка должна лежать спокойно, пожалуй, даже равнодушно, и это правильно, настоящее произведение искусства всегда равнодушно к потребителю. А после того как Трофим Сергеевич попользуется доставшимся ему произ-

---

⁶ Глаз видит далеко, а ум дальше.

ведением, он идет в ванную и там тихо и просветленно плачет, радуясь тому, что на свете есть такая красота, и жалея себя, что жизнь коротка.

Потом Мовчан вспомнил, что Ирина тоже, как и жена, начинает понемногу увядать, что его влечет к ней все меньше и меньше. В поселке немало симпатичных женщин, у которых можно получить утешение если не по взаимной симпатии, то в служебном порядке, как это делают многие работники его структуры, но сам он презирует их блудни, в них нет ни красоты, ни размерности, а только поспешное и часто пьяное утоление неразборчивого аппетита.

Потом Трофим Сергеевич подумал, что, любя красоту, пожалуй, никогда не любил по-настоящему легальную супругу Тамару, нелегальную Ирину и вообще никого из женщин. Любить – это когда душа переворачивается, когда ты чувствуешь, что на все готов, когда возникает ощущение, что у тебя и любимого существа одна кровеносная система и каждое биение жилочки на его виске отдается сладко-болезненным биением твоего сердца. Так у Трофима Сергеевича было с сыном Степой, хотя сейчас уже меньше, так у него с Оксанкой. Все в нем обмирает и ликует, когда он видит Оксанку и обнимает ее.

Может быть, по отношению к Светлане в нем как раз и сошлись наконец две любви – к красоте и к человеку-женщине? И эстетическая, и мужская?

Осмелившись подумать об этом, Мовчан дал себе волю и оглядел Светлану осознанно, ничего не пропуская. Она в это время очнулась и медленно приподнималась, чтобы сесть.

Вот тут-то это и произошло, соединилось. Словно то красивое, что всегда любил Трофим Сергеевич, обнаружило способность ответить взаимностью. Словно ожила та же Джоконда, перестала быть картиной, а стала женщиной, готовой его полюбить. То есть не Джоконда, конечно, она на вкус Мовчана вовсе не красива, даже наоборот.

Прав оказался брат Аркадия. Угадал. Разглядел.

И что теперь делать? Хорошо это или плохо?

Эти мысли Трофим Сергеевич оставил на потом, а пока он был счастлив и благодарен судьбе. Смотрел на Светлану, улыбался и молчал.

– Что? – спросила Светлана, не понимая.

– А что? – спросил Мовчан, удивляясь, что она не замечает его счастья.

– Хотите что-то сказать? – спросила Светлана.

– Зачем?

Мовчан даже засмеялся: настолько нелепым показалось ему предположение, что нужно что-то говорить.

Но Светлане этот смех показался издевательским смехом тюремщика.

– Я требую адвоката! – жестко сказала она.

Слово «адвокат» в любящей душе Мовчана отозвалось так дико и неуместно, что он рассмеялся еще пуще.

– Какой адвокат, Света? – Он вытирал пальцем слезы смеха. – Какой адвокат, для чего?

– Для составления заявления на вас в суд!

Мовчан хохотал до изнеможения: какой еще суд, при чем тут суд, когда такое счастье и такая любовь?

В коридор заглянул недоумевающий сержант.

Трофим Сергеевич замахал на него рукой: уйди, не нужен!

Клюквин послушно скрылся.

– Я рада вашему чувству юмора, но, если не будет адвоката, я объявлю голодовку, – сказала Светлана неопределенным голосом: она не понимала, что происходит с майором.

Мовчан унял смех, откашлялся и сказал:

– Не надо, Света. Потерпи до завтра, завтра отпущу.

– Почему не сегодня?

- Есть причины.
- Это тайна?
- Нет, но... В общем, завтра.

Мовчан мог бы сказать, что дело в приезде Степы (любовь любовью, а отцовский долг никто не отменял), но сработала милицейско-полицейская привычка наводить туман. Туман, конечно, односторонний: я тебя вижу, ты меня нет. Видящему легче управлять невидящим.

- Тогда пусть принесут поесть! – велела Светлана.
- Разве не кормили? Как тебя там, иди сюда! – закричал Мовчан.

Клюквин тут же возник.

- Почему не кормим задержанных? Живо принес!

Сержант замаялся. Мовчан понял, поманил его к себе и выдал денег.

- В столовку метнись через дорогу, возьми что-нибудь там! – распорядился Мовчан.

– Момент!

Сергея исчез.

Трофиму Сергеевичу никто не мешал задержаться и еще поговорить со Светланой, полюбоваться ею, но он не хотел так быстро растратить свое счастье.

Он лишь позволил себе, уходя, обернуться и улыбнуться Светлане ласково и многообещающе, отчего ей стало холодно и страшно.

Тем временем Евгений и Аркадий тоже зашли в столовую, имевшую вывеску «Кафе Летнее».

- Оно только летом работает? – спросил Евгений.
- Нет.
- Тогда странное название. Как быть весной, осенью, зимой?
- Мечтать о лете.

– В этом есть логика, – согласился Евгений. – Но тогда летом получается странно. И так вокруг лето, и кафе «Летнее». Будто никто не знает.

- Просто слово хорошее, – машинально ответил Аркадий.

Они вошли, Евгений достал диктофон и произнес:

– Евгений и Аркадий увидели перед собой прямоугольное застекленное помещение с квадратными столами и стульями из фанеры и металла. В углу сидели трое мужчин со стаканами. В другом углу сидел старик и ел. Сбоку сидела женщина и кормила мальчика. Из глубины пахло жареным луком. За стойкой стояла женщина в белом халате и в белой косынке, она посмотрела на вошедших радушным взглядом хозяйки.

Евгений ошибался: женщина в халате, как только увидела незнакомого человека с чем-то в руках, тут же разозлилась.

- Фотографировать запрещено! – закричала она.
- Обычная реакция людей, работающих там, где что-то не в порядке, – сказал Евгений

Аркадию. А женщину успокоил:

- Я не фотографирую.
- А чего же ты там делаешь?
- Записываю.

Женщина разволновалась еще больше.

- Сима! – позвала она, оглянувшись.

Вышла, вытирая руки о передник, девушка лет двадцати пяти, худенькая, с небольшим острым носиком, черными большими очами, вышла решительно и грозно, как командирша. Она улыбалась очень красивой улыбкой, показывающей ровные белые зубы, но улыбка эта была нехорошей.

- Чего еще тут?

– Записывают! – пожаловалась женщина.

– Да ничего мы не записываем, привет, Сима! – сказал Аркадий.

– Привет, а это у него что?

– Это так. Для впечатлений. Он типа писатель. Только устный.

– Он писатель, ты журналист, с чего бы мне такой почет? Вы есть пришли или записывать? Мало мне всяких комиссий и проверок?

– Было что-то повелительное и покоряющее в этой хрупкой женщине, – сообщил Евгений диктофону. – В воображении возникло два образа: что она нависает над тобой, готовая задушить и разорвать от сумасшедшей любви, и что опять же нависает, готовая задушить и разорвать от сумасшедшей ненависти.

– Чего-чего? Кто сумасшедший? – Сима пошла на Евгения, клонясь телом вперед, а руки отставив чуть назад, словно готовилась к прыжку в воду.

– Да ладно тебе, Сима, мы его сами уьем! – послышался голос.

Встал высокий мужчина, играя глазами и улыбкой; сразу видно, что артист от природы. Но его друзья не желали оставаться зрителями, им тоже хотелось безнаказанного артистизма.

Встал второй, худой, сорокалетний, похожий телосложением на подростка, в линялой фиолетовой футболке и клетчатых шортах, в пляжных шлепанцах на грязных ногах.

Встал третий, молодой, лет всего восемнадцати, будто он был не товарищ, а сын своих друзей, причем сын, готовый пойти за отцами куда угодно. У него была круглая стриженная голова и не менее круглые плечи, пучившиеся из-под лямок спортивной майки с надписью славянской вязью «RUSSIA».

Аркадий драться не умел и не любил.

Он сказал:

– Мужики, вы чего? Сима, остынь! Если так, мы уйдем сейчас.

– Нет, пусть покажет, что у него там! – закричала Сима.

Она подошла и протянула руку.

Евгений спрятал диктофон за спину.

Юноша в майке охотничьими шагами начал огибать Евгения, чтобы зайти с тыла. Сорокалетний подросток подбирался сбоку. А высокий шел прямо и открыто, заноса кулак для удара.

– Пойдите, – сказал Евгений.

– Даю одну секунду, – сказал высокий.

– Вы думаете, что вы меня избьете или даже убьете, – сказал Евгений трем товарищам, – и все на этом кончится. Нет. Посмотрите на этого мальчика.

И все невольно посмотрели на мальчика, который перестал есть и с интересом ждал зрелища.

– Он увидит это, и ему, возможно, понравится. Захочется сделать то же самое. Он вырастет, встретит кого-то из ваших детей и тоже убьет. Вы будете плакать и страдать, а кто на самом деле убил? Вы убили! Или посмотрите на этого пожилого человека.

И все посмотрели на старика, который ссутулился в свою тарелку, делая вид, что ничего не замечает.

– Он живет долго, и ему хочется, чтобы жизнь была лучше. Но вместо этого он видит одно и то же. От этого у него тоска и разочарование. Впору пойти и повеситься. И он это может сделать – вот и еще один труп на вашей совести. Да и вас самих могут потом посадить в тюрьму. Вы пропадете для общества, для женщин. Для нее, – Евгений указал на Симу, – а ведь видно, что ей нужен сильный мужчина, сильнее, чем она сама. Где она его найдет, если все будут драться, убивать и садиться в тюрьму?

На всех напало какое-то оцепенение: слушали, не возражая, силясь понять, что происходит. Высокий первым опомнился, встряхнулся, еще выше занес кулак.

– Сам напросился! – сказал он.

– Постой! – ответил ему Евгений. – Думаешь, я не понимаю, почему ты собрался это сделать? Ты выпил и хочешь подвига. Ты хочешь понравиться Симе. Ты хочешь понравиться друзьям. Ты хочешь понравиться себе. Но в мире столько возможностей для подвигов, надо только оглядеться! Вспомни, сколько с тобой произошло несправедливого. Вспомни, кто в этом виноват. Вы все вспомните. И поймете, что вы на самом деле хотите драться с теми, кто вас сделал несчастными, а не со мной! Идет война! Вокруг беснуются солдаты, ополченцы и третьяки, имея разрешенное войной право на убийства и разрушения! Вот о чем надо думать! Вот против чего надо бороться! Создайте дружину, свое ополчение – и люди вам скажут спасибо!

Все стояли неподвижно и молча.

Юноша в майке простодушно приоткрыл рот и выкатил удивленные глаза, готовый и засмеяться, и броситься вперед, и заплакать. Сорокалетний подросток морщил рано постаревшую сухую кожу на лбу и будто прислушивался к чему-то, что слышал поверх слов Евгения. Высокому показалось, что он видит клоуна, и он не знал, что делать, потому что клоунов не бьют.

А Сима думала о своем, безошибочно выхватив из речи Евгения самое для себя главное.

– Чего ты там про сильного мужчину? – спросила она. – Ты не оттуда? Не с фронта? Стасика Луценко, случайно, не видел? Он тоже такой, безбашенный, – с горькой похвалой сказала Сима. – Один на десятерых мог полезть, помнишь, Оля? – повернулась она к женщине в халате.

– Еще бы! – лирически отозвалась Оля, и в глазах ее тоже была мечта о сильном мужчине.

– Нечего стоять тут, присаживайтесь, – пригласила Сима. – Тоже мне, бойцы!

Вскоре Аркадий, Евгений и трое мужчин сидели вместе за сдвинутыми столами, закусывали, выпивали. Аркадий, совсем растерявшийся, наблюдал, как три друга уважительно слушают Евгения, который увлеченно расписывал план действий.

– Разбиться на пятерки, в каждой командир. Командуют все по очереди – пять дней. Каждый ведь хочет быть командиром, пусть побудет.

– А суббота и воскресенье?

– Выходные. Но приказ командира, когда кто-то командир, закон. Неважно, что он вчера был не командир, сегодня он командир. Дальше. Пятерки объединяются в отряды. По пять пятерок. Командир назначается опять-таки по очереди. Отряды объединяются в группировки. Двадцать пять на пять – сто двадцать пять, – с удовольствием считал Евгений. – Само собой, командиры группировок тоже назначаются по очереди.

– Все покомандовать не успеют.

– Успеют, война будет долгой.

То, что Евгений говорил это, а остальные слушали, может показаться нелепым, но напомним, что его собеседники были крепко пьяными. Хотя старались рассуждать рассудительно и здраво, ведь не о пустяках шла речь, о войне.

Через час Евгений и Аркадий вышли из столовой.

– Что это было? – спросил Аркадий. – Ты это всерьез?

– Время покажет!⁷

---

⁷ Совершенно случайно слова Евгения точь-в-точь совпали с названием телепередачи, которая тогда шла на одном из российских телеканалов; в этом продуманно истеричном ток-шоу изо дня в день поливалась грязью украинская власть, а под видом украинской власти и сама Украина; и восхвалялась великая своей историей Россия, а под видом великой России ее тогдашняя власть. Отечественное телевидение в то время вообще сыграло, к сожалению, позорно значительную роль

И время, не откладывая, показало. Высокий мужчина, которого звали Петр Опцев, вернулся домой, где его недобро встретила не менее высокая жена, она начала упрекать его в пьянстве и бездельничанье. Опцев возразил, что теперь у него самое важное дело, какое только может быть у мужчины, а она должна слушаться и отвечать: «Есть, товарищ командир!»

– Есть, товарищ командир! – ответила жена и ударила его пустым ведром по голове так сильно, что Опцев упал. Он хотел подняться и навести порядок, но в голове звенело, все вокруг плыло, и он решил сначала полежать, набраться сил. Да так и заснул.

Сорокалетний подросток Митя Чалый явился к своей жене Кате печальный и значительный. Он устало сел за стол, посмотрел на жену с жалостью и сказал:

– Ты, если что, не забывай меня сразу. Другого мужика не спеши приводить. Пусть хоть какое-то время в моем доме полы чужой не топчет.

Не выдержав, Митя всхлипнул.

– Да что случилось-то? – переполошилась Катя. – Ты в поликлинике был насчет пальца? Вывих или перелом?

– Палец! – усмехнулся Митя. – Тоже нашла о чем: палец! Если бы ты знала, Катя!

– Что-то другое у тебя отыскивали? Что? Да не молчи!

– Страшно сказать, Катя!

Катя совсем испугалась, достала бутылку, налила, Митя выпил и успокоился. Но тайны своей не раскрыл, на вопросы Кати отвечал уклончиво, и, как она ни билась, устоял, не предал товарищей.

А юноша в майке, которого звали Юрик Жук, долго пробирался на родину, в украинскую часть Грежина, заметал следы, прятался по оврагам и бурьянам, мысленно отстреливался и наконец, измотанный и израненный, выбрал огородами к дому подруги Ульяны.

– Я живой! – обрадовал он ее, влезая к ней в комнатку через окно и падая на пол.

– Да неужели? – не поверила Ульяна, у которой сидел другой ее приятель, Рома.

Юрик заметил его, поднялся, хватаясь за стену, и сказал Роме:

– В другое время я бы тебя... Но сейчас прощаю. Не то время. Иди созови наших.

– А чего такое? Замирные напали?

Замирными тут называли тех, кто жил за улицей Мира, на той стороне.

– Да, – признался Юрик, потому что это было проще, чем все объяснять. Но, как только он это сказал, ему тут же показалось, что и в самом деле на него напали замирные. Они ведь и впрямь, было дело, побили его прошлым летом, а отомстить все как-то не случилось. И Юрик в подробностях рассказал о прошлогоднем нападении как о сегодняшнем, показал свои ссадины и раны. Рома негодовал, кипел и, не дослушав, побежал собирать своих, чтобы устроить замирным вальпургиеву ночь. Когда-то он услышал это выражение, оно ему страшно понравилось, хотя он и не знал, что это была за история. Но ясно, что кто-то кого-то сильно покрошил, раз это было ночью. Налетели как буря, ветер, пурга... да, пурга, именно это слово слышалось ему в имени Вальпургиева.

На его призыв откликнулись два великовозрастных брата Поперечко и чинивший велосипед подросток Нитя, больше никого не нашли. Братья взяли по свинчатке, а Нитя велосипедную цепь. Побежали к Юрику, но тот уже спал глубоким сном.

– Пойдем, покажешь! – растолкал его Рома.

– Кого?

– Кто тебя покоцал.

– Когда?

– Да сегодня же!

– Чего? Никто меня не коцал, отстаньте, спать хочу!

Глава 6

Яке дибало, таке й здибало

8

Аркадий все чаще поглядывал на Евгения вопросительно. Новоявленный брат показался ему сначала безобидным чудачком. Да, с больной головой, но мало ли таких людей вокруг? На улице, где прошло его детство, жила тихая и очень полная молодая женщина, которая каждый вечер ярко наряжалась и ходила по улице, поздравляя всех с праздником.

– С каким, красавица? – спрашивали те, у кого было настроение посмеяться.

– Разве вы не знаете? – строго говорила она. – Это очень великий праздник. Его празднует все население людей нашей планеты.

– Да какой, какой?

– Вы надо мной шутите, да? – укоризненно спрашивала женщина и шла дальше.

И никто ее в психушку не сажал, жила себе с пожилой матерью, потом они куда-то уехали.

Но Евгений не таков, он многим кажется нормальным, а на самом деле, возможно, неуправляемый и опасный сумасшедший, который говорит то одно, то другое, а что в голове у него творится, вообще неизвестно. Аркадию становилось все тревожнее. Вот вернутся они вечером домой, улягутся спать, а Евгений встанет ночью и...

И что?

Да мало ли. У них, между прочим, ребенок. Разумно ли держать психически больного человека в доме?

И Аркадий решил позвонить бывшей своей однокласснице и до сих пор верной подруге Анфисе Станциц, которая работала невропатологом в поликлинике. Позвонил, узнал, что она сидит в своем кабинете и скучает: летом вообще больных меньше. Не потому, что люди мало болеют, а очень уж некогда лечиться: сады, огороды, хозяйство.

– А я вот гуляю тут. Вроде внеочередного отпуска. Загляну на минутку?

– Да пожалуйста!

Евгения не удивило, что Аркадий привел его в поликлинику.

Он сразу же начал описывать увиденное:

– Евгений не раз бывал в таких учреждениях и везде видел одно и то же: окраска стен, интерьер, дешевые лампы в дешевых светильниках, голые окна без штор с обязательными решетками на первом этаже, все казенное, обезличенное, призванное заставить пациента забыть о своем личном, смириться, стать всего лишь носителем болезни и не мешать лечить ее, если сочтут нужным, или не лечить, если не сочтут.

Аркадий поймал себя на том, что слушает эту чушь с раздражением. Еще недавно эти слова показались бы парадоксальной мудростью, а теперь во всем видится расчетливая хитрая благоглупость. Только кого обманывает Евгений, других или себя, вот вопрос! Если других, то зачем? Если себя, тогда понятно, себя-то мы дурим без всякой выгоды и расчета.

Анфиса встретила братьев внизу, у входа, и повела в комнату отдыха для врачей, где была обстановка скромного комфорта: диван и электрический чайник на подоконнике. Рядом с чайником в стеклянной медицинской чаше была гора разных конфет – традиционные подарки врачам от пациентов и их родственников.

– Шли мимо, вспомнил, что давно не виделись, решил заглянуть, – объяснил Аркадий свое появление.

---

⁸ Какое шло, такое и встретило.

Анфиса налила всем чаю, поставила чашу с конфетами.

– Как дела? – дружески спросила она Аркадия.

– Нормально, с работы выгнали. Временно.

– Как Нина?

– Все хорошо. Ругаемся на политической почве.

– Как и все. Я со своим Алексеем тоже. Ты за кого?

– А ты?

– Я первая спросила!

– Ко мне вот брат приехал, – сказал Аркадий, уходя от темы. – Евгений. Умный и оригинальный человек.

Он сказал это с легким нажимом, чуть склонив голову в сторону Евгения.

Анфиса прикрыла глаза, давая понять, что намек поняла.

Евгений же взялся за диктофон и тихонько начал наговаривать:

– Тонкая молодая женщина, с глазами всех красивых евреек мира, с прекрасными руками, которые легко представить просеивающими муку для мацы под палящим солнцем Палестины или Египта три тысячи лет назад, странно существовала своим юным, но древним смуглым телом в этих бледно-зеленых стенах, розоватых занавесках, под белым потолком с четырьмя квадратными светильниками, зарешеченными, будто окна, словно кто-то и зачем-то решил держать в заключении свет. Евгений понял, что он не видел в своей жизни женщины лучше и красивее Анфисы.

– Минутку, а Светлана? – слегка обиделся Аркадий. – Ты ей недавно то же самое говорил!

– Светлана ушла в прошлое, – ответил Евгений.

– Что вы еще увидели во мне? – спросила Анфиса.

– Евгений затруднился, – сказал Евгений. – Он видел очень многое, но смутно. Он видел, что Анфиса, сохраняя свой древний неискоренимый дух, отравлена духом русским, переменчивым, что ей везде одинаково плохо и одинаково хорошо, что она почему-то очень несчастный человек, который часто не понимает, зачем живет.

Анфиса откусила конфетку, отхлебнула чаю и сказала:

– Анфиса увидела в этом человеке, наряженном в военную форму, странный сплав искренности и симуляции. Возможно, он так долго тренировался в сумасшествии, что и в самом деле стал сумасшедшим.

– Вообще-то у него диагноз есть, – сказал Аркадий. – Покажи справку, Женя.

Евгений покопался в рюкзаке, достал и показал.

– «Шизофрения недифференцированная», – прочла Анфиса. – Что-то нам такое читали на третьем курсе. И давно это у вас? Или с рождения?

– Началось лет в десять с философической интоксикации, – охотно ответил Евгений.

– В чем выражалось?

– Боялся думать.

– То есть?

– Боялся, потому что мне казалось, что, если я начну о чем-то думать, я это пойму. И мне было страшно. Я боялся думать о смерти: боялся, что пойму, что такое смерть. Боялся думать о маме. Я ведь ее любил. И боялся, что, если начну о ней подробно думать, то пойму что-то такое, за что разлюблю. Об учителях боялся думать, об одноклассниках. Боялся подумать о собственном сердце. Подумаю – и начну слышать, как оно работает. Естественно, тут же подумал. И услышал. Потом начал слышать, как кровь во мне течет. И даже слышал, как слышу. То есть как в ушах появляются звуки. Даже перепонки болели от этого.

– Кому-то говорили об этом?

– Нет. Потом я боялся подумать о войне. Мне казалось, что, если подумаю, она начнется. О девочках боялся думать. Когда не думаешь, а только смотришь, они просто девочки. Симпатичные и не очень. А когда думаешь, то понимаешь: они уже женщины. Во всех подробностях. Это очень страшно.

– Не то слово! – воскликнул Аркадий, слушавший брата с сострадательным вниманием. – Досталось тебе, я смотрю! Но сейчас-то ты думать не боишься?

– Мы до этого дойдем, – ответил Евгений так, будто не он, а Аркадий был пациентом, который торопится поскорее выведать все подробности болезни.

И продолжил:

– Однажды я гладил котенка и вдруг подумал, что боюсь думать о том, что мне захочется его убить. Я даже заплакал. Убежал из дому. Потом попросил маму отдать котенка соседям. Это у меня долго было, целый месяц: боялся захотеть кого-то убить. Смотрю на кур во дворе, а сам думаю: не надо их убивать, они же живые. Но хочется. А потом думаю: их все равно убьют, чтобы съесть. И про людей так же думал: убивать их нельзя, но они же все равно умрут.

Удивление на лице Аркадия сменилось испугом:

– Слушай, перестань! Я тебя уже бояться начинаю, честное слово!

– И зря, – успокоил его Евгений. – Это давно прошло. Я нашел способ, как не бояться мыслей: надо думать, но постоянно. Все время. Без перерыва. Лучше всего – что-то такое придумать, из-за чего все становится просто. И я придумал, что я гений, который может то, чего никто не может. А когда придумал, то понял, что ничего я не придумал, что я действительно гений. А гений может все понимать про людей, про маму, про природу, вообще про все, но от этого не перестает все это любить. Ему можно.

– И ты любишь?

– Да, очень.

– А зачем в диктофон наговариваешь?

– Для фиксации. Я же о важных вещах думал, а что-то совсем простое забывал. Мама посылает в магазин за хлебом, за солью, за сахаром, я иду, а сам думаю, почему сахар сладкий, а соль соленая, почему хлеб без соли можно есть, а соль без хлеба нельзя, а вот сахар как раз можно, потом думаю, почему коровам соль лизать дают, такая эта соль, как для людей, или нет? Смотрю, а я уже в коровнике, а зачем пришел, не могу вспомнить.

Все это Евгений говорил без диктофона, но в этот момент достал его и, отстранившись взглядом от окружающего, задумчиво произнес:

– Евгений рассказывал откровенно, потому что ему хотелось понравиться этой женщине. Его привлекал в ней не только и не столько ум, сколько загадка ее тела, скрытого халатом. Почему-то он подозревал, что оно почти идеально, и ему хотелось это увидеть. Его потрясла мысль о том, что для кого-то это идеальное тело может выглядеть буднично и обычно, тот же Алексей, о котором она упомянула, потребляет его без восторга и упоения, как супружеский привычный ужин.

Анфису эти слова никак не тронули, она смотрела на Евгения изучающе и спокойно.

– Интересно, – сказала она, – ты вот сейчас, когда туда надиктовываешь, понимаешь, что это не совсем нормально?

– Я бы сказал, это необычно, – возразил Евгений. – А что ненормального в процессе записи своих впечатлений? Тогда все писатели ненормальные. И журналисты, включая Аркадия.

Аркадий щелкнул пальцами. Он будто присутствовал при научном диспуте, не вполне понятном, но интересном. Сейчас он посмотрел на Анфису: чем она ответит на резонные доводы Евгения?

Анфиса ответила:

– Писатели и журналисты, если о ком-то пишут, делают это не в присутствии того, о ком пишут. А если при нем, то без таких откровенностей. Это я насчет идеального тела и процесса его потребления моим мужем Алексеем.

Аркадий удовлетворенно кивнул и тут же посмотрел на Евгения: твой ход? Казалось, кто-то невидимый нажимает на такие же невидимые кнопки шахматных часов.

Евгений сделал ход.

– Анфиса, – с удовольствием выговорил Евгений необычное имя, где звонкое и жизнелюбивое «эн» тут же приглушалось принижающим и будничным «эф», – Анфиса, все люди хотят быть откровенными, но не могут себе этого позволить. К примеру, вы, когда мы входили, так посмотрели на Аркадия, что сразу было видно в ваших глазах воспоминание о какой-то ночи, о любви, о ласках, я в этот момент посмотрел на Аркадия и увидел отклик: он тоже вспомнил об этом, и вам бы хотелось об этом поговорить, но вы оба промолчали. Почему?

– Ты ему что-то рассказывал? – спросила Анфиса Аркадия.

– Ни в коем случае! – поклялся Аркадий. – И вообще, никому никогда!

Анфиса откусила конфетку, отхлебнула чай и сказала:

– Объяснимо. У шизоидов бывают моменты прозорливости. Все так называемые экстрасенсы – шизоиды.

– Анфиса дважды произнесла уничижительное слово «шизоид», – прокомментировал Евгений в диктофон, – чтобы показать пренебрежительное отношение к Евгению, который поневоле заинтересовал ее. Чтобы скрыть свои чувства, она начала есть конфетку, которую ей совсем не хотелось, и пить остывший чай, хотя терпеть не могла холодного чая.

– Ну, это уж ты точно гонишь! – сказала Анфиса с неожиданной простотой. – Не попал, я обожаю холодный чай!

– Холодного чая никто не любит, – сказал Евгений, стесняясь своей правоты.

Тут Аркадий решил вклиниться в дискуссию, но не теоретически, а практически.

– Ладно, – сказал он. – Раз уж братик призывает к откровенности, то я, Анфиса, с тобой отдельно шептаться не буду, а прямо при нем спрошу: он опасен или нет? Он ведь у меня жить будет, больше нигде. Или его лучше отвезти в психушку – в Белгород или в Ростов?

Анфиса, размышляя над вопросом Аркадия, продолжала отпивать холодный чай, словно показывая Евгению, что он ошибся – она любит именно холодный чай. Но невольно при этом глянула в сторону чайника. Евгений это заметил, губы его тронула деликатная улыбка. Анфиса поняла, что он разгадал ее взгляд, и со стуком отставила чашку. Дескать, ладно, согласна признать твою правоту, но это еще не конец!

– А вы вообще лечились? – спросила она Евгения.

– Нет. Мы с мамой жили в деревне. Да, меня считали человеком со странностями. Даже дурачком. Но там много людей со странностями и дурачков. В прошлом году Гопотаренко Михаил Александрович, депутат и бывший заведующий фермой, сел на трактор и гонялся за своей женой по улице. Чуть не задавил.

– Спряталась бы в каком-нибудь доме, – посоветовал в прошлое Аркадий.

– Она пряталась у соседей, а он начал на дом наезжать. Разрушил бы. Вот она и бегала.

– Бытовой пьяный психоз, – сказала Анфиса. – Значит, не лечились?

– От чего? Есть вещи, которые не вылечишь. И не вылечишься. Разве вы, Анфиса, вылечитесь от своей тоски? Вы чувствуете себя женщиной из другого времени, другого рода, другой страны, я не Израиль имею в виду, по крайней мере не современный. Вы успокоились бы детьми, но проблема – от кого родить? Где найти достойного? А ведь вам нужен не просто достойный, а великолепный – полубог, царь, потому что вы сами себя чувствуете царицей. Любите себя, свой ум, свою душу, но понимаете, что все это будто в пустоте, не на что

опереться, поэтому читаете умные книги и, может быть, ведете дневник, переписываетесь с кем-то по интернету, где вас тоже никто не понимает, потому что вы не хотите открыться.

Евгений не говорил, а вещал, глядя на Анфису, вернее, в Анфису, куда-то внутрь ее глаз. Она слушала сначала с улыбкой, потом начала хмуриться, но тут же приняла вид снисходительный, губы слегка подрагивали, будто от сдерживаемого смеха. Когда Евгений умолк, она сказала Аркадию:

– Я, когда курсовую практику проходила в «Фениксе», это ростовский центр психоневрологии, таких пророков по пять штук каждый день выслушивала.

Но Аркадий был впечатлен словами Евгения и ее иронии не разделил:

– Анфис, но как же... Я ему про тебя ничего не рассказывал. Что детей нет, что ты дневник в самом деле пишешь, я его читаю каждый день.

– Так уж и каждый...

– А что тебя Александра Алексеевна, литераторша, царицей называла, помнишь? Царица ты наша! После того как ты на пушкинском вечере про Клеопатру читала.

– Ерунда, совпадение. Ты что, хочешь сказать, что он действительно гений, что ли?

– А то нет!

– Уверяю тебя, заурядные экстрасенсорные способности. Которых не отрицаю. И не только не отрицаю, но каждый из нас хоть немножко да экстрасенс. Хочешь, угадаю, что у тебя со Светланой будет?

– Нет. Да и не будет ничего. Хотя... Нет, не надо.

Евгений встал:

– Я подожду на улице. Вам необходимо пообщаться.

– Мне тоже пора, – сказал Аркадий.

– Не торопись. Анфиса сейчас грустит от той правды, что я ей сказал. А ты вспомнил про любовь к Светлане. И к жене. Еще у вас общая печаль о той встрече, когда вам было хорошо вместе. Если сейчас вы опять будете вместе, вам будет легче. Вам радости не хватает, но она у вас есть. Почему вы не делитесь, не понимаю!

Сказав это, Евгений добавил в диктофон:

– И Евгений вышел, довольный тем, что сейчас эти два человека испытают счастье отдавать себя, хотя и жалел, что не он будет с женщиной, а другой. Но он к этому привык.

И вышел.

Анфиса включила чайник – ей давно уже хотелось горячей жидкости, а Аркадий, помявшись лицом, сказал:

– В самом деле, Анфисик... Ты прекрасно выглядишь...

– До свидания, – холодно ответила Анфиса. – И вот что, свози-ка его все-таки в Ростов. Он какой-то... Я с ним полчаса побыла – голова страшно болит. А тебе – не тяжело?

– Вообще-то, как-то да. Непросто. Но, знаешь, интересно. Царица, надо же...

– Уйди, сказала!

И Аркадий ушел.

Анфиса налила в чашку кипятку, кинула пакетик с чаем и, не дожидаясь, пока заварится и остынет, отхлебнула; обожглась, приложила руку к губам. Потом достала планшет, открыла свою интернет-страничку, озаглавленную «Пограничное состояние». Надолго задумалась, собираясь что-то записать. Но слова никак не находились. Сбоку были рекламные картинки с играми, в том числе любимые ею линии шариков. И она, так ничего и не написав, начала играть в шарики, составляя ряды из пяти штук одного цвета, после чего они исчезали с беззаботным пшиком.

Вернувшись домой, в украинскую часть Грежина, Анфиса со смехом рассказала о странном посещении своему мужу Алексею Торопкому, хотя обычно не любила говорить

о работе, да и он не интересовался, занятый своей газетой «Шлях» (когда-то – «Шлях социализму»), где был редактором.

Почему рассказала?

Потому что во время встречи с Аркадием и его чудным братом, в ней всколыхнулось что-то тайное.

Но ведь о тайном как раз молчат.

Нет. Молчат глупые люди. Терпят. И рано или поздно проговариваются. Лучше уж сказать сразу, но не все. Только внешнее. А если потом каким-то образом всплывет и тайное, можно оправдаться: я же сама рассказывала! Рассказывала, да не то, возразит муж. Ты просто плохо слушал, скажет Анфиса, привыкшая жить подпольно, будто послана сюда кем-то, только неизвестно кем и с какой целью, но именно это ощущение посланничества делает жизнь сносной, наполненной пусть непонятным, но смыслом. Она и фамилию мужа не взяла при регистрации брака именно поэтому – чтобы сохранить статус отдельности.

Торопкий отнесся неожиданно серьезно:

– Говоришь, этот человек был в военной форме?

– В какой-то дурацкой, я такой не видела. Разве что в кино про Великую Отечественную войну. Такое, знаешь, галифе, гимнастерка с пуговичками...

– Должно быть, подчищают старые стратегические запасы, – сделал вывод Торопкий. – И сколько раз тебе говорить: не было никакой Великой Отечественной, была Вторая мировая. А то получается, у всех в мире одна война была, а у нас другая.

– Так она и была другая. И первая Отечественная другая, с этим тоже будешь спорить?

– Конечно! Были Наполеоновские войны с семьсот девяносто девятого по восемьсот пятнадцатый! Как ты не понимаешь: Россия нарочно выделяет себя из мирового процесса, чтобы доказать свою исключительность! – горячился Торопкий.

– Каждая страна исключительна, – ответила Анфиса, наливая горячий чай; ее сегодня что-то слегка знобило, несмотря на жару. Не хватало разболеться. Впрочем, почему бы и нет? Заболеть боятся очень занятые люди, которым хворь мешает делать срочные и неотложные дела, а у Анфисы неотложных и срочных дел нет. Может, даже и славно поболеть, если не очень тяжело. Полежать, почитать, подумать...

– Да, каждая, – нехотя согласился Торопкий, – но не настолько, чтобы на своей исключительности строить всю политику и культуру, и быт свой дурацкий, и бедность свою, и...

– Понеслось! – сказала Анфиса с мягкой иронией.

– Мне просто обидно, что ты не понимаешь очевидных вещей!

Ты тоже не понимаешь очевидных вещей, хотела сказать Анфиса. Не понимаешь, например, что я давно тебя не люблю, если вообще любила. Высокого, симпатичного, чернобрового, гарного, да, а вот не любила. Показался наиболее подходящим из имеющихся, только и всего. Даже шагу не сделала, чтобы подыскать себе где-нибудь что-нибудь получше, вот что обидно.

А Торопкий взволнованно постукивал по столу пальцами обеих рук, будто набирал какой-то текст на невидимой клавиатуре. Или будто играл на пианино, но это сравнение ему шло меньше – к музыке Торопкий был глух.

– Значит, и у нас зеленые человечки⁹ появились! – высказал он догадку.

– Откуда? Он просто больной. Ненормальный.

– Отличный ход! Они теперь будут еще и психами прикидываться!

---

⁹ Зелеными человечками, а также вежливыми людьми называли людей в военной форме без опознавательных знаков, которые действовали на территории Украины, обеспечивая процесс присоединения Крыма к России в 2014 году, а потом подготовку протестов и последующего вооруженного конфликта в Донецкой и Луганской областях.

– Сам не сойди с ума, – остерегла Анфиса. – Скоро уже палаточников за диверсантов будешь принимать.

Она имела в виду мелких торговцев, которые располагались на улице Мира по выходным дням с обеих сторон, украинской и российской, и торговали всякой всячиной. Украинцы чаще овощами, фруктами и конечно же салом, а россияне бытовой химией и дешевой одеждой.

– Я ще не такой дурень! – запальчиво воскликнул Торопкий, вскочив из-за стола. – Темряву від світла відрізняю!

Анфиса поморщилась:

– Охота говорить на языке, которого не знаешь!

– И стыдно, что не знаю! Учю, как тебе известно! У мене дід хохол, прадід хохол, мама з татом українці, а я, як дюдя безрідний! – тут же продемонстрировал Торопкий успехи в изучении украинского языка.

– Что такое дюдя?

– Ну, типа дурачок, беспамятный.

Дурачок не дурачок, но горячится по-дурному, подумала Анфиса. Таким горячим он и приехал сюда, в глушь, намереваясь поднять провинциальную прессу на небывалую высоту. Встретил Анфису, очумел от любви, победил ее напором, бешено работал, в одиночку заполняя половину газеты, его поставили редактором, Анфиса согласилась выйти за него замуж... Был счастлив, утихомирился: Грежин всех помаленьку остужает, подчиняя своему неспешному ритму. Но тут начались известные события, всколыхнувшие Украину, и Торопкий опять ожил, строчил обличительные памфлеты, грудью встал на защиту будущей полной независимости Украины, интегрированной в Европу, начал изучать украинский язык и историю страны, открывая удивительные вещи, так как изучал не по книгам, а по интернету, полному в ту пору самых фантастических теорий. Говорил об этом с утра до ночи, надеясь на полемику с женой, но она ускользала, отмалчивалась, а если и решалась спорить, быстро признавала себя побежденной.

Анфиса настолько погрузилась в свои мысли, что перестала слушать мужа, а тот произнес целый монолог на какую-то тему, расхаживая по комнате и размахивая руками, а потом вдруг встал перед Анфисой и замолчал. Смотрел вопросительно.

– Извини, – сказала Анфиса.

– Не знаешь, что ли?

– Что?

– Адрес, адрес этого твоего Аркадия?

– Почему моего? Ты тоже с ним хорошо знаком.

– А ты с ним училась! В гостях разве ни разу не была? Где живет, можешь сказать?

– Зачем?

– Хочу своими глазами посмотреть на этого зеленого человечка.

– Глупости.

– Может, я сам решу, что глупости, а что нет? – обиделся Торопкий.

Тридцать четыре года человеку, подумала Анфиса, большой, плечами – чистый шкаф, а на самом деле ему будто семнадцать. Или даже пятнадцать. Это во всем сказывается. Он даже в постели ведет себя по-мальчишески – дурачится, хихикает, балуется. Отвлекает.

Разведусь я с ним, подумала Анфиса.

И сразу ей стало легче, хотя она понимала, что разведется не скоро, а может быть, и никогда. Но сама готовность к этому ее обрадовала. Так бывает у человека, который многим в жизни мучился, страдал, изнемогал и вдруг понял, что вполне спокойно готов к самоубийству, и это вселяет в него новые жизненные силы, потому что он теперь помнит: всегда могу все прекратить. Многие из таких людей живут до глубочайшей старости и цепляются

за жизнь до последнего вздоха, что тоже объяснимо: уход естественный противоречит их идее добровольного ухода. Не ходи ко мне, смерть, я приду к тебе сам, выразился бы автор в каком-нибудь стихотворении, если б был поэтом.

Анфисе было заранее жаль мужа, которого она бросит, и она ласково сказала:

– Леша, куда ты на ночь глядя? Давай я картошечки с луком пожарю. И малосольные огурчики есть.

– Вот вернусь – и с удовольствием!

Анфиса адреса не знала, но глазами помнила и объяснила, как найти дом Аркадия.

Торопкий уехал на своей «ниве-шевроле», наполовину редакционной, наполовину собственной, Анфиса выпила еще две чашки горячего чая, но все не могла согреться. Надо принять душ. Год назад Торопкий оборудовал в этом старом доме ванную комнату с электрическим нагревательным баком, сам установил всю сантехнику, выложил пол и стены узорчатой керамической плиткой – он многое умел, когда хотел.

Стыдливо зарумянившись, с таким видом, что просто хочет согреться, Анфиса зашла в ванную, разделась, посмотрела в зеркало на свое тело, которое Евгений назвал идеальным. Что ж, плечи точно хороши. Да и грудь. И живот неплох. Дальше было не видно – зеркало показывало только до пояса. Можно рассмотреть и без зеркала, лежа в ванной. И она легла в ванну.

Через полчаса Анфиса вышла утомленная и слегка разочарованная, но уже без того беспокойства, что не оставляло ее весь день после встречи с Аркадием. Выпила еще две чашки горячего чая и прилегла вздремнуть, чувствуя с удовольствием, что, кажется, все-таки заболела.

Глава 7

Як позветься, так і відгукнеться

10

Торопкий пришел в дом супругов Емельяненко как раз к ужину. Машину ему пришлось оставить на границе. Его легко пропускали в обе стороны, зная в лицо, но с машиной можно только по спецпропуску, которого у Торопкого не было.

По совпадению на столе тоже была жареная картошка с луком и малосольные огурцы, да еще Нина приготовила куриные котлеты.

Евгений ел с благодарным аппетитом, хотя не удержался от комментария:

– Если принять индекс чистой глюкозы за сто, то индекс картофеля равен семидесяти. В результате кулинарной обработки с помощью варки гликемический индекс картофеля поднимается до девяноста. А жареная картошка вообще липидо-гликемический продукт, содержащий огромный уровень канцерогена акриламида.

– Не хочешь, не жри! – заметил Владик.

– Но-но! – воспитательно прикрикнул на него Аркадий.

Евгений, улыбнувшись, объяснил родителям:

– Грубость ребенка в этом возрасте может объясняться двумя причинами. Либо он копирует кого-то из взрослых...

– Тебя! – тут же вставил Аркадий, указав вилкой на Нину.

– Либо, – продолжил Евгений, – ему не хватает родительского внимания, и он его таким образом привлекает.

Хотя Нина уже привыкла к странностям деверя, она не стерпела:

– Уж кому-кому, а ему этого внимания хватает, весь день около него кружусь! А ты, Женя, в самом деле, хватит про еду рассказывать. Будто мы не знаем, что вредно, а что нет. Если подумать, все вредно.

– Не могу не согласиться. Те же малосольные огурцы – при неплохом действии в смысле профилактики атеросклероза они содержат слишком большое количество соли. И даже безобидная курятина не так уж безобидна. Современных кур пичкают кормами с содержанием эстрогенов, а эстроген – половой гормон женщины, способствующий увеличению массы тела не только курицы, но и человека.

Нина от этих слов чуть не поперхнулась котлеткой, закашлялась, сплюнула.

И как раз в этот момент, постучав, вошел Торопкий.

– Привет! – бодро и деловито сказал он и тут же объяснил причину появления: – Анфиса говорила, Аркадий, что ты с братом заходил, а я вспомнил, что ты мне рассказывал про малую типографию, где можно газету дешевле печатать. Это что ты имел в виду?

– Это я ее имел в виду, – кивнул Аркадий на Нину. – Ее папаша бизнес придумал: купил мини-типографию, этикетки шлепает для контрабандного товара, спрос хороший, но мощность не загружена, так он еще и всякие брошюры под заказ берет. И листовки. Ему недавно как раз листовки заказали, прямо шедевр, я одну себе оставил. Сейчас.

Аркадий встал и пошел к книжному шкафу.

– Ужинать с нами, Алексей, – пригласила Нина.

Торопкий не хотел угощаться в доме, где пахло вражеским духом, но в нем уже был настрой именно на картошку с луком и огурцами; картошку с луком и огурцами обещала

¹⁰ Как аукнется, так и откликнется.

Анфиса, и его желудок уже мечтал о них – но после того, как будет выполнена миссия. А тут и мечтать не надо, все на столе – ароматное, манящее. И Торопкий, поблагодарив, сел.

– Заметно было, – сказал Евгений, внимательно наблюдавший за Торопким, – что слова насчет типографии были для гостя только поводом. В частности, он сделал вид, что совсем не замечает Евгения, и это было странно, учитывая, что Евгений выглядел все-таки не совсем обычно за счет своей военной формы. Что-то здесь было не так.

Обескураженный Торопкий не успел возразить, а Евгений продолжил:

– Также сразу был виден интерес Нины к этому человеку, что вполне объяснимо. Почему женщина, даже если она замужем, не должна обращать внимания на красивого мужчину? А он был красив породистой мужской красотой, той, что считается славянской и, в частности, украинской: высокий рост, крутые плечи, черные волосы, на верхней широкой губе чудились жгучие усы, хотя их на самом деле не было, глаза были орехово-карие, похожие формой на ивовые листья с их некоторой узковатостью и легким двусторонним загибом кверху, что встречается у многих так называемых хохлов, отчего глаза их кажутся немного хитроватыми, даже если обладатель глаз вполне прямодушен.

Нина громко стучала ложкой, сгребая на тарелку картошку из сковородки, Аркадий, доставший листовку, стоял с нею в руках, Торопкий сидел с прямой спиной, не зная, куда глядеть, а Владик зачарованно слушал, не понимая, что говорит его дядя, но видя, что на взрослых напала оторопь, и это ему очень нравилось.

– В самом деле, – после томительной паузы выговорил Торопкий, – мы даже не познакомились. Меня Алексей зовут, а вас?

– Евгений, ответил Евгений, – ответил Евгений.

– Ясно...

– Он у нас такой, – сказала Нина, ставя перед Торопким тарелку и тут же садясь на свое место. – Он, как бы это сказать...

– С причудами, – смягчил Аркадий то, что могла бы сказать Нина. – Так вот, читаю! – И он с выражением огласил содержание листовки: – «Гнилые мрази из ЛНР и Пидороссии! Уйдите с наших улиц! Это вы принесли смерть на Донбасс! От кого вы защищаете? Вы – тупорылые подонки, алкашня и шлюхи! Мы хотим жить, работать и растить детей в свободной, единой Украине!»

Торопкий слушал, тяжело нагнув голову.

– Самое интересное, что сразу после этого Свербухов, тесть мой мудрый, взял другой заказ, от ополченцев. – Аркадий показал другую листовку, и тоже ее зачитал: – «Граждане ЛНР! Выпалим с нашей родины боевиков Украины! Каждый может помочь по мере сил – транспортом, горючим, медикаментами, продовольствием. Мы воюем за нашу общую свободу!»

Аркадий, прочитав это с ехидным пафосом, щелкнул по листовке пальцем:

– На отличной бумаге, между прочим, цветная фотография – бойцы-молодцы, приятные молодые люди, нашли же таких! – Аркадий показал Торопкому, но тот не стал смотреть. Не поднимая головы, он медленно выговорил:

– Вот почему, Аркадий, ты, который вроде бы на словах сочувствуешь нашей национально-освободительной борьбе, выбрал именно эти две листовки? Почему те, кто пишет против ополченцев, а говоря правильно, боевиков, у тебя получают дебилы и идиоты, а те, кто за боевиков, выглядят как вменяемые и разумные? Приятные молодые люди!

– Ты чего, Леша? – удивился Аркадий. – Ничего я не выбирал, я к тому, что Свербухов, тесть мой прекрасный, печатает листовки сегодня нашим, а завтра вашим.

– Потому что и ваши, и наши – дураки! – резко сказала Нина, оскорбившись за отца. – А с кого и деньги брать, если не с дураков?

– Значит, погибающие за свободу, дураки? – спросил ее Торопкий.

Нина замешкалась, Евгений тут же помог:

– На самом деле Нина не считала ни тех ни других дураками, ей просто жалко было молодых, здоровых, красивых мужчин, которые гибнут, не зря она при этом невольно глянула на мощную шею Алексея, любуясь ею и с горечью представляя, что и она может стать мертвой.

Нина совсем лишилась языка, только глотала воздух, а Аркадий строго сказал:

– Вот что, брат, ты хватит психозом свои глупости прикрывать! Выдумываешь неизвестно что!

– Вот именно! – поддержала Нина.

– Да нет, – не согласился Евгений. – Не выдумываю. Хотя я тебя, Аркадий, понимаю. Тебе неприятны личные темы, потому что ты боишься, что они могут коснуться твоей связи с Анфисой.

Если может после тишины наступить еще одна тишина, тише первой, то это был как раз такой момент. Даже Владик перестал жевать и болтать ногами. Нина окаменела. Торопкий, как сидел неподвижным, так и остался сидеть, лишь шея его, о которой так лестно отозвался Евгений, почему-то сделалась заметно краснее.

– Ты, брат... – выдохнул Аркадий. – Ты... Знаешь... Ты это... Ты не то... Ты, наверно, имеешь в виду, что мы с ней в школе дружили?

– Евгений понял поданный ему намек, – сказал Евгений, – и охотно согласился: да, я это имею в виду.

Загрохотали ножки отодвигаемого стула: Торопкий встал.

– Так, – сказал он. – Ладно. Спасибо.

И тяжело пошел к двери.

Помедлил, обернулся, сказал:

– И все-таки, Аркадий, как-то быстро ты точку зрения изменил.

– Какую?

– Сам понимаешь. На окружающее. Перекрасился, что ли? Ну-ну.

Едва закрылась за Торопким дверь, Нина негромко и жестко сказала:

– Владик, иди к себе!

– Мам...

– Я сказала!

Владик взял огурец – не потому, что хотел его съесть, а чтобы показать, что не побежден до конца, может что-то сделать по-своему, и ушел.

– Значит, и с ней тоже? – спросила Нина Аркадия.

– Почему тоже? С кем еще?

– Про Светланочку уже забыли?

– Нет, но...

– Ага, и про Светланочку помним?! Надо же, гигант, на два фронта работаем! Даже на три, если меня включить. Только меня уже не включай, понял? Главное, он еще и папу моего тут высмеивал, а сам ты кто? Ты предатель, понял?

– Кого я предал? – пробормотал Аркадий.

– Семью! Ты предатель семьи. И я тебя никогда не прошу, чтобы ты знал. Все, уходи отсюда!

С этими словами Нина встала, взяла тарелку с картошкой, к которой не притронулся Торопкий, и приготовилась то ли отнести ее к плите, то ли кинуть в Аркадия.

Аркадий попытался что-то сказать.

– Нина...

– Молчи! Лучше молчи! – крикнула Нина.

– Ладно, завтра поговорим.

Не сводя глаз с тарелки, Аркадий открыл платяной шкаф, выхватил оттуда куртку и пошел к двери.

– Ты чего стоишь? – спросил он Евгения.

– Меня не выгоняли, – сказал Евгений. – Тут хорошо. Тут есть проводной интернет. И красивая женщина, от которой мне ничего не надо, потому что она твоя жена.

– Надоел ты мне, псих, – отреагировала Нина. – Иди тоже отсюда. А завтра лучше тебе домой уехать.

– Евгений подумал: как это все нелепо, – сказал Евгений. – Жена любит мужа и гонит его из дома, хотя он тоже ее любит. Зачем это все? Тратится время на пустяки.

– Светланочку он любит! – не унималась Нина. – И Анфисочку, как выясняется. Может, еще кого?

– Даже если он еще кого-то любит, Нина, это не значит, что он не любит тебя, – объяснил Евгений Нине.

Эти слова окончательно вывели ее из себя, она размахнулась и кинула тарелкой в Аркадия. Тот увернулся, тарелка брякнулась об косяк и разбилась, картошка просыпалась на пол. Аркадий тут же убрался за дверь, за ним не спеша вышел Евгений, печально склонив голову набок.

Глава 8

Хто навпростець ходить – дома не ночуэ!

11

Торопкий быстро и сердито шел к железной дороге, которая здесь совпадала с границей, за нею он оставил машину.

Нет, думал он, явно Аркадий изменился в сторону великодержавного российского шовинизма. Листовки поганые показывал. И этот придурок в военной форме. Все неспроста.

Аркадий в это время сказал Евгению:

– Спать будешь на полу, больше нигде. Коврик постелешь, укроешься моей курткой.

– Ничего. В походных условиях, – легко согласился Евгений. – В войну люди зимой и в окопах спят!

Редактор Вагнер маялся, к нему привязалось, как привязывается глупая услышанная мелодия, как икота или тик, дурацкое желание называть себя (конечно, мысленно) в третьем лице. Вагнер разделся, думал он, сел на постель и посмотрел на свои ноги с синеватыми жилками и россыпями мелких синюшных кровоизлияний – ранний варикоз. Хотя, не такой уж и ранний, ау, вспомни, сколько тебе лет! Вагнер лег, думал он, действительно укладываться, чувствуя, как ложе постели промялось под его тяжелым телом. Раньше он не обращал на это внимания, а теперь постель показалась будто не родная, будто Вагнер в гостинице или, того хуже, в больнице. Вагнеру стало тоскливо, стало жаль молодости, юности, детства, здоровья, глупо потраченных лет. Вагнер вспомнил вдруг, подумал Вагнер, как в детстве мама отвела его к какой-то тетке. Маме надо было уехать куда-то, вот и отвела к какой-то тетке, какой-то дальней родственнице, в семью, где, помнится, было много детей, было шумно, маленького Яшу покормили и перестали обращать на него внимание, он просидел весь вечер на стуле, глядя в темное окно – там где-то была мама. Потом его взяли за руку и повели к сундуку с постеленной на нем старой шубой, уложили туда, в мягкое, но колкое, ничего не сказав, не поцеловав, как это делала мама. И он лежал и тихо плакал. И вот через бог знает сколько лет слезы опять навернулись на глаза. Давненько Вагнер ни от чего не плакал, подумал Вагнер, а слезы лились ручейками, чистые и прозрачные, совсем детские, он даже заулыбался от удовольствия так славно и легко поплакать.

К сожалению, думал Торопкий – впрочем, думал без сожаления, а с ощущением оскорбленной гражданской правоты, с предчувствием действия, а это, как известно, бодрит, – к сожалению, в украинской части Грежина сильны сепаратистские настроения, в том числе даже в кругах администрации. И как этому противодействовать, если в газете, где он редактор, нет ни одного слова по-украински, она выходит, как всегда и выходила, на русском языке! Пробовали выпустить дубль-издание на мове, пригласили двух розумних хлопцев, выпускников одного из харьковских университетов, но дело не пошло, никто газету на украинском языке покупать не желал. Ее и на русском-то не покупали, прямо скажем, издание распространялось по организациям в виде разнарядки, то есть добровольно-принудительной подписки, существовала газета на средства администрации – а если завтра откажутся финансировать?

Анфиса не спала, ждала мужа. После того как она приняла решение развестись с ним, ее охватило желание, которое после душа поутихло, зато потом возродилось с новой силой,

---

¹¹ Кто напрямик ходит – дома не ночует.

прямо-таки какое-то до удивления нестерпимое, как в дни первых с Алексеем свиданий. Анфиса мяла подушку, сворачивалась калачиком, вытягивалась... Хоть опять иди в душ. Но нет, надо дожидаться.

Светлана сидела, обняв колени, смотрела в темноту и представляла, как ее выпустят, как она начнет борьбу, напишет заявления во все инстанции, потребует суда. Она никогда не простит Мовчану смерть отца. Нельзя этого прощать. Он на коленях будет стоять и руки ей целовать. И Степа тоже. А она будет смеяться, но все равно не простит. Никогда.

Трофим Сергеевич Мовчан лежал рядом с тихо посапывающей женой Тamarой и думал о том, что идея народных дружин – хорошая идея. Война бушует совсем неподалеку и вот-вот может оказаться здесь, надо быть готовыми. А главное – славная инициатива к приезду Самого. Сам любит, когда что-то идет из народа навстречу власти, а если не идет, надо умело организовывать это движение. Сына Степу можно приспособить к этому делу, чтобы не бездельничал на каникулах. Хорошо бы основать для дружины свой печатный орган и поручить издавать его Светлане. Нет, не получится: она оппозиционерка, она сочувствует украинским фашистам. Новая инициатива, наоборот, должна ее раздражить, она будет с нею бороться. И это тоже неплохо – даст повод еще раз схватить ее, посадить, допрашивать и, возможно, слегка пытать. Мовчан никогда не делал этого с девушками, красота ведь для любования, а не для того, чтобы ее мучить. Но есть люди, которые обливают картины кислотой, рушат скульптуры, а потом признаются, что сделали это из любви к ним. Вот и он, если придется все-таки помучить Светлану, будет это делать из любви, чтобы оказаться ближе к ней. Мысль об этом сильно и ощутимо подействовала на Мовчана. Он тронул жену за плечо. Та всхрипнула. Он потыкал ее пальцем.

– А? – подняла она голову и быстрым движением ладони вытерла влагу со рта.

– Спишь, как не жена, – упрекнул Мовчан.

– Трофим Сергеич, ты охренел?

– Можешь спать дальше, а я займусь, – молвил Мовчан, поворачивая ее к стене передом, к себе обратной стороной.

А ведь дело не только в украинских грежинцах, думал Торопкий. С российской стороны Грежина давно и целенаправленно введется подрывная работа. Почему, например, они не закроют границу, ведь это легко сделать! Гораздо легче, чем с украинской стороны, у которой меньше сил и средств. А потому что выгодно обеспечивать ежедневное проникновение. Внедрение. Ползучую экспансию. Вот в чем дело! И Аркадий притворился сочувствующим тоже для этого – втереться в доверие.

Для этого он и сошелся с Анфисой, осенило Торопкого. Да, в этом причина! Аркадий воспользовался школьной дружбой, чтобы выведать у Анфисы, что происходит в украинской части Грежина, чтобы ее завербовать, восстановить против мужа! Анфиса наивная, не от мира сего, вот и доверилась коварному Аркадию. В этом, может, вся связь и заключалась, а не в том, что бывает между мужчиной и женщиной. Пора Анфисе бросить работу на вражеской территории. И у себя дома что-нибудь найдет. Также ведь имеется поликлиника, а при ней больничный флигель на три палаты. Или станет вольным наркологом, а то всех запойных лечит один престарелый врач-пенсионер Колебаев Иван Тургеневич (отец его был обрусевший монгол по имени Турген – человек, надо полагать, с большим чувством юмора, судя по тому, как назвал сына), а Колебаев сам постоянно болеет – то от возраста, то от того же, от чего лечит своих пациентов. Найдя, за что простить Анфису, и придумав, что с нею делать дальше, Торопкий развеселился, пошел быстрее. Вот уже гравий железнодорожной насыпи захрустел под ногами. И тут сбоку в темноте послышались голоса.

Нина улеглась ровно, удобно, чтобы ничто не мешало разжигать в себе злобу к изменнику-мужу. Но как-то не злилось. Вместо этого, стоит закрыть глаза, видела она эту проклятую шею Торопкого, которую так расписал Евгений. И большую его голову, широкие плечи. Просто наваждение какое-то. Нина открывала глаза, но с открытыми глазами вообще ни о чем не думалось, было пусто и одиноко. Закрывала глаза – опять Торопкий. А ведь рядом ребенок спит, стыдно-то как! Она посмотрела на Владика. Тот лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку и раскинув руки. Спит, не видит ничего. Нина снова закрыла глаза – Торопкий тут как тут. Но ведь мне муж изменил, вспомнила она. И я думаю о Торопке не потому, что он мне нравится, а нарочно, чтобы отомстить Аркадию. И, разрешив себе это, она начала думать о Торопке уже без стеснения, во всех возможных вариантах. Но не по причине любви к нему, что отдавало бы развратом, а по причине мести, что все оправдывало.

– Как хочешь, Женя, – сказал Аркадий, – но в самом деле, или придется тебе в Пухово вернутся, или я тебя в психушку сдам. Кто тебя просил ляпать про Анфису?

– Евгений признал, что это было ошибкой, – признал Евгений.

– А толку, что ты признал? Нинке это не объяснишь теперь! Что обидно: было-то один раз пять лет назад. Нинка ведь и развестись может, если ей в голову ударит!

Евгений ровным голосом произнес:

– Лев Толстой сказал, что брак есть вечная борьба мужчины и женщины за власть друг над другом. Бернард Шоу сказал, что брак – уродливая форма сосуществования двух разных существ. Чехов сказал, что брак крепок, когда сильна половая любовь, все остальное скучно и ненадежно. Оскар Уайльд сказал, что брак – пусть к убийству себя и любимого человека.

– Он был голубой, не считается. Много ты помнишь, как я вижу.

– Да. Фрейд сказал, что, когда люди женятся, они живут не друг для друга, а для кого-то еще. Для общества. Для детей. Для прокормления. Для порядка. Он же сказал, что секс в браке без влечения – одна из частых причин импотенции. Лао-Цзы сказал, что без фундамента общества рухнет дом любой семьи. Кастанеда сказал, что, если муж и жена окажутся вдвоем на необитаемом острове, муж первым делом утопит жену. Или съест.

– Лихо. Что же, людям жениться вообще не надо?

– Почему? Чехов советовал одному из братьев побыстрее жениться, потому что это его спасет. Толстой считал, что без брака человек – зверь. Нечего защищать, нечего жалеть. Бернард Шоу сказал, что в браке проявляется все плохое, но и все хорошее. Бог сказал: плодитесь и размножайтесь.

– Ты только Бога не трогай!

– Нельзя тронуть то, чего нет.

– Ты еще и в Бога не веришь?

– Верю.

– Это как? Его нет, а ты веришь?

– Верить в то, что есть, намного проще.

– Я чувствую, у тебя в голове кислое с пресным, холодное с горячим, каша, в общем.

– Как у всех, согласился Евгений, – согласился Евгений.

– Ну нет. Я точно знаю, что Нинку свою люблю.

– Такого не бывает. Никто никого не любит целиком. Ты любишь в ней что-то. Всё целиком вообще любить нельзя. Вот мы сегодня говорили о картошке. Что она и полезная, и вредная. Каждый человек тоже и полезный, и вредный, и хороший, и плохой. Любят за хорошее. А иногда и за плохое. Но вообще-то все люди любят всех людей. Потому что в каждом человеке есть хоть маленькое зеркальце, в котором каждый другой человек может увидеть себя. Видит – и любит.

– Это кто тут? – спросили из темноты.

А потом по глазам ударил луч фонарика.

Торопкий закрыл рукой глаза.

– С кем имею честь? – спросил он, становясь подчеркнуто вежливым, как всегда в острых жизненных ситуациях: вежливость в таких случаях была для него как шест для канатоходца – помогала держать равновесие.

– Документы покажем!

Луч фонаря ушел вбок, Торопкий проморгался, взгляделся. Перед ним были два российских пограничника, Толя и Коля, с которыми он встречался уже, когда шел сюда. Сказали друг другу «Привет! – Привет!» – и разошлись, а теперь вдруг – документы. Почему?

– Толя, Коля, мы же виделись! Вы же меня сто лет знаете!

– Мы и в ту сторону обязаны были документы посмотреть, но не успели, – сказали Толя и Коля. – Ты слишком быстро пробежал. Как заяц.

Торопкий достал паспорт, протянул. Толя и Коля внимательно пролистали его под фонарем.

– Ходишь и ходишь туда-сюда, – сказали они. – Без конца ходишь и ходишь. Зачем?

– По делам.

– Это каким?

– Слушайте, ребята, что случилось? Все время нормально пропускали, а теперь... Не понимаю.

– Мало ли, что все время, – сказали Толя и Коля. – Может, у нас новый приказ есть?

– И что там?

– Не имеем права говорить, – государственно объявили Толя и Коля. – А вот задержать имеем право. С целью депортации.

– Так депортируйте сейчас.

– Это одно, а то другое. Если мы тебя официально депортируем, ты сюда уже не попадешь.

– Толя, Коля, но я же не знал про ваш новый приказ! Давайте так: уплачу штраф, а в другой раз буду осторожнее!

– Это можно, – сказали Толя и Коля.

– Вам в рублях или в гривнах? – спросил Торопкий.

– Да все одно. Хоть в юанях!

Юаней у Торопкого не было, он дал Толе и Коле гривны – столько, сколько, по его представлению, было достаточно.

И угадал: Толя и Коля остались довольны, вернули паспорт и сердечно с ним распрощались, пожелав доброй ночи.

– Поэтому, – продолжал Евгений, – ты что-то любишь в Нине, что-то в Светлане, а что-то в Анфисе.

– Вообще-то да. Знал бы ты, какая у Нинки...

Аркадий не договорил, вздохнул и повернулся на бок.

– Все. Пора спать.

– Утро вечера мудренее, – согласно откликнулся Евгений. – Будет день, будет и пища. Всякое семя знает свое время. День да ночь – сутки прочь. Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет.

– До утра будешь куковать? – спросил Аркадий.

– Память тренирую, – сказал Евгений. Но замолчал. Вернее, продолжил вспоминать пословицы, но не вслух, только шевелил губами и улыбался, радуясь богатству русского языка и своей памяти.

А Торопкий, перейдя дорогу и направляясь к своей машине, подумал: для полного анекдота не хватает, чтобы сейчас встретился украинский кордон и тоже учинил проверку документов.

Глядь: двое. И один тоже Коля, а второго зовут Леча. Они встретили Торопкого приветливее, чем российские пограничники, с улыбкой.

Но все же сказали:

– Леша, дорогой, покажи документы.

– Так вы меня уже видели, что ж сразу не спросили?

– Сразу ты туда шел, а теперь обратно идешь. Мы для тебя же проверяем, чтоб ты не забывал документы носить.

– Как я забуду, если я на машине? Вот – и права, и паспорт.

Коля взял паспорт, а Леча права. Осмотрели.

– Вообще-то половина двенадцатого уже, – сказал Леча.

Торопкий вспомнил, что после десяти часов вечера переход через границу запрещен. То есть он и в течение дня запрещен во всех местах помимо КПП, но негласно разрешался. Да и после десяти разрешался, поэтому строгость пограничников была необычной.

Что-то происходит, подумал Торопкий. Что-то происходит, а я не знаю. Какой я после этого журналист?

– Какой-нибудь новый циркуляр или приказ прислали? – решил он выведать.

– Каждый день что-нибудь присылают, брат, – уклончиво ответил Леча.

– Но я-то не знаю, давайте штраф заплачу, – предложил Торопкий, которому очень хотелось домой.

– Мы что, чужие? – обиделся Леча. – Не надо нам штраф, лучше в следующий раз принеси маслоприемник для «девятки», он копейки стоит, а у нас тут нет.

– Маслоприемник, хорошо.

– Для «девятки».

– Запомнил, маслоприемник для «девятки». Я, может, и тут найду.

– Вот спасибо! Будь здоров, привет семье!

А над Грежиным, на крутом кустистом холме, стоял приехавший из Москвы инженер-проектировщик и архитектор Геннадий Владимирович. Он оглядывал поля, леса и речку Грежу, огибающую поселок. Вон там и там могут без ущерба для пейзажа пройти две железнодорожные колеи. А там – удобное место для моста. А на том вон пустыре разместятся пути и строения железнодорожного узла, а при нем – терминально-логистический центр.

Геннадий всегда любил технику, но всегда любил и природу. Идеальной воображаемой картинкой для него было – стремительный поезд, летящий по эстакаде над бескрайним зеленым полем, там и сям виднеются игрушечные маленькие города, а вдали горы, а за горами – море, эстакада уходит куда-то туда, в горы и море, плавно изгибаясь, как Великая Китайская стена.

Геннадий нетерпеливо хотел будущего в свои двадцать семь лет, не только своего, а общего, когда не будет границ, когда Землю опутает сеть элегантных железных дорог, точнее говоря – магнитных, по которым бесшумно помчатся с самолетной скоростью поезда, и путь от Лиссабона до Владивостока длиной в тринадцать с половиной тысяч километров займет всего восемь-десять часов, и, заметим, приятных часов, учитывая, что в таком поезде будет обеспечен осмотр запечатленных пейзажей в замедленном режиме, если кто чего не разглядел. Желаящие смогут перейти в вагон с софт-катапультами – капсулами, которые

способны отделиться и мягко затормозить, свернув на боковую ветку, и каждый сможет не спеша полюбоваться горами Урала, Алтая, великими реками, тайгой и Байкалом.

С детства Геннадий любил сочетание большого, величественного, и малого, уютного. Его одинокая мама послушно покупала сыну наборы лего, из которых он сооружал космические корабли, а рядом обязательно строил домик с садиком, маленькими человечками, скамеечками, столиками, собачками. Ему очень нравилось: стоит огромный корабль, а вокруг него обычная жизнь. Получается, что корабль большой, но домашний, обитатели домика могут в любой момент полететь на нем куда-нибудь отдохнуть в выходной день.

Он уважал все техническое, сложное, но не само по себе, а потому, что это сделали люди. Геннадий удивлялся уму людей, придумавших ракеты, самолеты, автомобили, поезда, компьютеры, мобильные телефоны и все прочее, что умножается и обновляется каждый день. С четырнадцати лет он уже подрабатывал тем, что устанавливал программы на компьютеры знакомых мамы и знакомых ее знакомых; его, как дельного специалиста, передавали по цепочке, рекомендовали друг другу. К семнадцати годам он зарабатывал втрое больше мамы, а в восемнадцать купил первую подержанную машину, которую холил и лелеял, изучил до мельчайших деталей и проводков. Но мощь многолюдного транспорта привлекала его больше. Конечно, частный, личный автомобиль очень важен, и не только из-за скорости и удобства, главное – ощущение самостоятельности, автономности, независимости, насколько это возможно в транспортных потоках. Геннадий не шутя считал, что личные автомобили, хлынувшие в наше Отечество с девяностых годов, дали вечно безлошадному российскому человеку, привыкшему, что его везут, а он послушно и пассивно едет, больше чувства свободы и готовности к переменам, чем любые другие демократические и экономические реформы. Но они же, автомобили, потом и закабалили привязанностью к собственности, кредитами и долгами, желанием улучшить не общество, а в первую очередь свой автомобиль, да и вообще – своя машина ближе к телу.

Геннадий был уверен, что весь мир должен в ближайшем будущем пересесть на комфортабельный общественный транспорт, это экономичней, экологичней и полезнее в смысле дружелюбного общения людей друг с другом в равных по удобству условиях. Потом, лет через тридцать или сорок, они опять обзаведутся индивидуальными средствами передвижения, скорее всего воздушными, но это будут уже другие люди, грамотно умеющие сочетать личное и общее.

Учась в Московском университете путей сообщения, Геннадий создал студенческое конструкторское бюро, которое разработало ряд смелых проектов высокоскоростных поездов с различными принципами движения, включая гравитационные. Он стал победителем международного студенческого конкурса, побывал в США, в Китае, в Японии, где с восторгом прокатился по линии «Тохоку-синкансэн» со скоростью около 700 километров в час, чувствуя себя почти своим среди японцев, так как роста он был небольшого, а верхние веки слегка припухшие. Он влюбился в японцев и в Токио, как, впрочем, влюблялся и в американцев в Нью-Йорке, и в китайцев в Шанхае и Чунцине. Люди, создавшие такие дороги и такие поезда, конечно, достойны любви. И уважения.

И вообще, боже ты мой, думал иногда Геннадий, холодея от изумления, сколько же мыслящего мозгового вещества в головах миллиардов людей, живущих в мире! Это вещество постоянно работает, шевелится, хочет удивить себя и других. Да и сам Геннадий, если бы его спросили, чего он хочет больше всего, ответил бы: удивлять себя и других. Удивлять и радовать, что почти одно и то же. В этом, наверное, и смысл жизни. Глядя на красивое и оригинальное здание, смело стачанный автомобиль, на хорошую игру актеров в кино или на фантастических спортсменов, черт-те что вытворяющих со своим телом и пространством, восхищаясь мыслями и слогом хорошей книги, Геннадий гордился архитекторами, дизайнерами, конструкторами, людьми спорта, искусства и литературы, не различая, кто они, аме-

риканцы, немцы или русские, он не был болельщиком *наших* в узком смысле, потому что все земляне для него были – наши.

Геннадий даже стеснялся простоты своих мыслей и воззрений на мир. Он не понимал философских, идеологических и политических споров, вернее, не видел в них смысла, ему все давно уже представлялось ясным: хорошо то, что объединяет людей для хороших дел, и плохо то, что их разделяет или объединяет для дел плохих. Уточняющие вопросы о том, какие дела считать хорошими, а какие плохими, он считал нарочитым придуриванием: это и так все знают. Нации, религии, партии – все это внешнее и второстепенное, полагал Геннадий. В каких-то условиях они важны и нужны, в каких-то вредны и мешают, жизнь в конечном счете определяют очень простые вещи – любовь и тяга к друг другу. Вот и все. Так глупо, что и не поспоришь, посмеивалась над этими рассуждениями одна из его подруг, с которой он до сих пор сохранил хорошие отношения, хоть и на расстоянии.

Главное, это работало в его жизни, включая такую важную для молодого человека сторону, как общение с девушками. Если Геннадию кто нравился, он выражал это прямо и открыто, свободными словами. Кого-то это пугало, но Геннадий не огорчился – значит, нет порыва к объединению для радости. А кому-то было по душе, и наступала пора удивлять и удивляться тому, сколько хорошего и интересного открывается при согласном объединении двух людей. Это редко продолжалось долго: девушки считали, что общаться с Геннадием во всех смыслах приятно, но для брака он чересчур экзотичен и слишком занят своей работой и своими мыслями. Да и небогат по московским меркам, прямо скажем, хотя Геннадия приняли после университета в большой коллектив, разрабатывающий Национальную систему высокоскоростного движения. Но он там занимался не столько конкретными разработками, сколько проектами будущего, а за будущее, как известно, платят мало, поскольку не насущно. Приходилось, как и раньше, подрабатывать, но конкуренция становилась все жестче, а рынок услуг, наоборот, сужался за счет того, что пользователи сами становились продвинутыми, да и заложенное в электронных устройствах обеспечение все более совершенствовалось, не требуя вмешательства. Геннадию в принципе нравились деньги: с их помощью можно удивлять подарками маму и девушек, они позволяют путешествовать, окружать себя красивыми уютными вещами – как в тех идеальных домиках, которые он строил в детстве. Он ценил и любил роскошь. Тут бы, конечно, подобрать другое слово, Геннадий как-то попытался найти синоним, и в словаре открылось: блеск, богатство, изобилие, великолепие, изящество, люкс, шик, излишество, пышность, баловство, нарядность... Нет, все не то. Комфорт? Тоже не то. В списке не оказалось слова *гармония*, а оно, пожалуй, было ближе всего к тому, чего он хотел. Да, гармония. Как гармонично изначально человеческое тело. Или самолет и, конечно, поезд. Тело можно улучшить гимнастикой. Самолет и поезд – усовершенствовать. Вот тут, наверное, и разгадка: Геннадий понимал роскошь как гармоничное усовершенствование того, что и так хорошо, но может быть лучше. Если может – почему не усовершенствовать? Природа не храм, а мастерская, прочел он однажды, и не согласился. Скорее это мастерская в храме; вспомним, кстати, что все храмы – дело рук человеческих, и многие их детали производились именно в мастерских.

В отделе, где он работал, его уважали – Геннадий, помимо футуристических, вносил немало полезных на практике идей, – но все-таки считали слегка чужаковатым, видя, сколько времени он тратит на нереализуемые проекты или реализуемые в далеком будущем. Его руководитель Сапрыкин, тоже тот еще мечтатель, но тайный, жалел Геннадия, он-то и устроил ему командировку в Грежин, чтобы на месте прощупать возможности сооружения здесь крупного узла, который, возможно, будет необходим на юго-западном направлении, которое, возможно, будет развиваться в ближайшем будущем, если, возможно, не свернут не только это направление, но и весь национальный проект, а к тому, возможно, все идет. Работать придется вместе с другими специалистами, предупредил он, но это даже интересно.

Геннадий с удовольствием поехал.

Он сидел в обшарпанном купе плохонького поезда с дурно пахнущими туалетами, смотрел на медленно проплывающие за окном пейзажи, местами живописные, часто голые и пустые, на здания и сооружения городов, поселков и станций, в большинстве своем безликие или уродливые. Геннадий, хоть и чурался политики, грустно не любил власть и государственную систему за то, что они мало сделали для того, чтобы объединить людей стремлением сделать красивой и целесообразной свою жизнь, но не менее грустно сердился он и на родной народ, слишком привыкший жить в общей неопрятности, свою личную при этом еще кое-как соблюдая.

По приезде он вселился в гостиницу «Грежа», в номер с выцветшими обоями и древно-стружечной полированной мебелью. Пол был застелен ворсистым паласом грязно-серого цвета, но даже на этом скрывающем нечистоту цвете виднелись темные пятна – следы буйных попок командированных служилых людей, вырвавшихся на свободу от работы и дома. Геннадий удивил коридорную, спросив, нет ли у них моющего пылесоса – почистить палас. В ответ он услышал: а может, к этому еще и шампанское в номер, и девушку на ночь? Геннадий отказался от шампанского и девушки, попросил веник, ведро с водой и прошелся по паласу, вычищая его, насколько возможно. Потом обрызгал номер купленным в соседнем магазине дезодорантом, потом проветрил, не поленился сходить на базарчик, откуда принес букет полевых цветов и дюжину антоновских яблок. Разложил яблоки на подоконнике, и они немедленно начали пахнуть – природой, молодостью, летом, пахнуть роскошно именно в том понимании, которому Геннадий не нашел синонима. Коридорная хмуро сидела у себя в комнатке, а потом не выдержала и явилась с целью отчитать за самоуправство, а заодно напомнить, что номеров много, а она одна. Но постояла, посмотрела, ушла и вернулась с кувшином синего стекла и поставила в него букет Геннадия. Отошла, полюбовалась и сказала с доверительной секретностью, как своему: «Между прочим, насчет девушки я не шутила. Есть у нас тут – и свои, и из беженков. Могу устроить. Свежие девчонки, неиспорченные».

Геннадий отказался настолько деликатно и вежливо, что коридорная не обиделась, только вздохнула, жалея, что сама уже не так молода. Озорно воскликнула: «А то бы прямо даром для хорошего человека!» – хлопнула Геннадия по плечу, зарделась, захохотала и ушла, сама себя стыдясь.

Простояв около часа на холме над Грежином, Геннадий спустился и пошел к гостинице. Она была в центре. Там же, в центре, располагались и все жизненно важные учреждения, включая отдел внутренних дел.

Каблуки четко стучали в тишине: Геннадий не признавал спортивной обуви, в которой поголовно ходят все, предпочитал туфли; ночной легкий ветерок обвевал его ноги тканью брюк – джинсы Геннадий тоже носил редко. Он вообще любил костюмы – зимой темные, летом светлые и легкие. И никаких футболок, только рубашки. Все, конечно, безукоризненно выглаженное. Брюки – со стрелочкой.

Геннадий проходил мимо железных синих ворот, странно ярких в ночном свете. На каждой из двух половин в центре была черная звезда (или такой казалась?) с расходящимися лучами. Видимо, эта символика вместе с воротами существовала здесь давно, с советской власти. Власть кончилась, символы превратились в украшение. По бокам ворот высилась решетчатая ограда. Геннадию показалось, что там, за оградой, стоит человек. Стоит и смотрит на улицу.

– Здравствуйте, – наугад сказал Геннадий.

– Здравствуйте, – ответила Светлана.

Это была она – сержант Клюквин отпустил ее подышать, зная, что из замкнутого пространства двора она никуда не денется. Хотя на всякий случай сказал:

– Если что, стреляю без предупреждения.

– Ладно.

Сергея понимал, что стрелять, конечно, не будет ни в каком случае, и Светлана это понимала, но обоим стало спокойнее. Когда есть уговор, пусть и невыполнимый, это все же лучше, чем совсем без правил.

– Что это вы тут? – приблизился Геннадий.

– Стою, – буквально ответила Светлана.

– Какая красивая, – разглядел Геннадий.

– Знаю, – спокойно сказала Светлана.

– Это что тут такое? Местная тюрьма, что ли?

– Вроде того.

– И вы тут сидите?

– Да. Немного осталось. До завтра.

– И за что вас?

– Да ни за что.

– Это плохо.

– Что ж хорошего.

– Может, вам что-то нужно?

– Нет, спасибо.

– Меня Геннадий зовут.

– А меня Светлана. Вы с праздника какого-то?

– Почему?

– Одеты так.

– Я всегда так одеваюсь.

– Для оригинальности?

– Нет. Нравится.

– Это хорошо. А то все мятые ходят. Вы откуда вообще?

– Из Москвы. По работе.

– Далекое заехали.

– Да.

– Нравится у нас?

– Что-то да, что-то нет. Дадите свой номер телефона?

– Зачем? – спросила Светлана и засмеялась. – Вот я глупости спрашиваю. Да конечно, почему нет?

И продиктовала номер, а Геннадий записал и сказал:

– Спасибо. До свидания.

– До свидания.

И ушел этот небольшой, аккуратный человек в своем светлом костюме, в своих постукивающих туфлях, ушел, закончив разговор не рано и не поздно, а точно в тот момент, когда нужно. Это редкое умение в людях, и Светлана его очень ценила – знать меру во всем. Сама она была, возможно, в чем-то чрезмерна, хотя понимала, что именно чрезмерность вредит жизни и людям – не та, которая у нее, а другая, с которой она чувствовала необходимость бороться. Однако бороться лучше, когда рядом есть спокойный и разумный советчик, и Светлана решила, что при первой же встрече обязательно все расскажет Геннадию. Чутье ей подсказывало: именно этот человек нужен ей. Сначала для совета, а там видно будет.

На самом деле, еще не влюбившись, она предчувствовала, что влюбится. Душой она видела уже и дальше, туда, где будет не только счастье, но и какое-то большое горе. Ей было радостно и тревожно, и как-то вдруг сразу захотелось спать, будто организм напомнил о том, что надо хорошо отдохнуть перед будущими испытаниями.

Аркадий же все не мог заснуть, ворочался, с завистью смотрел на Евгения, который спокойно лежал на спине с закрытыми глазами и ровно дышал.

– Спит как ни в чем, – пробормотал Аркадий.

Ответом было:

– Кто? – спросил Евгений, который действительно спал, но чутко, он и во сне все слышал и, если было нужно, просыпался сразу же, готовый ко всему.

– Да ничего от тебя не нужно. Я вот просто думаю: с какой стати Торопкий на меня наехал? Не по поводу Анфисы, тут все ясно, а в том смысле, что я, как он сказал, перекраился? С чего он взял?

– Другим человеком стал наш Аркадий, – говорил примерно в это же время Торопкий, лежа рядом с Анфисой. – И дело не в этом дураке, который к нему приехал. Хотя дурак все-таки подозрительный. Чувствую: что-то в воздухе носится.

– Война носится, – сказала Анфиса, поворачиваясь к нему и кладя на его прохладную грудь свою горячую руку.

– Какая ты, – сказал Торопкий. – Как печка. Не заболела?

– Немного, да. А ты прохладный, приятный. Обними.

Торопкий обнял, обнаружив, что на Анфисе нет никакой одежды и что она вся горит от жара болезни. Ему стало ее жаль, но телу захотелось в эту жару так, будто оно замерзло, будто зима вокруг, а не лето, будто он пришел с мороза и нырнул сразу же в постель.

Эх, не успею договорить, подумал он. А потом говорить как-то уже... Нехорошо. Даже подло. Лучше уж завтра.

– Главное, – вслух размышлял Аркадий, – притащился в такую даль на ночь глядя. Ведь он не знал насчет Анфисы, почему так спешил?

– Узнал про меня. Я в военной форме. Он что-то заподозрил, – предположил Евгений.

– Точно! На разведку приходил! Подумает еще, что я с Анфисой связь поддерживаю для чего-нибудь такого. Тоже для разведки.

– Я уверен, что подумает, – подтвердил Евгений.

– Женя, но ведь это выход! Не хочется ведь женщину подставлять, понимаешь? Я Нинке так и скажу! Что общался с Анфисой не как с женщиной, а как с женой представителя вражеского лагеря!

– Нина считает, что ты этот лагерь поддерживаешь, – напомнил Евгений.

– Я тоже думал, что поддерживаю. Но они же зарвались, хохлы эти, у них голову уже снесло от национально-освободительной идеи! Кто их захватывал, от кого освободиться? Лучше бы своих воров и жуликов к ногтю прижали! Тут, в Грежине, они тихие, но сколько их воюет против России, сколько в своих братьев стреляет? Да и тут у них неизвестно что. Кто такие третьяки? Наши? С какой стати? Им выгоднее воду мутить. Если подумать, идея насчет дружины – вполне здравая. Будет контроль, будет ясно, кто на самом деле все эти бесчинства творит!

– Напиши об этом статью, – посоветовал Евгений.

– И напишу! Да, у нас с Вагнером разногласия, в том числе из-за Светланы, повел он себя, мерзко, прямо скажем, но мужик он в принципе нормальный! Болеет душой за Грежин, за... За все! Неравнодушный человек. И профессионал. А Нинке надо объяснить насчет Анфисы, что тут не любовь, а политика. Прямо завтра с утра и объясню.

– Евгений подумал, что, если бы Аркадий его спросил, он посоветовал бы не откладывать, – сказал Евгений.

– Считаешь? А в самом деле! Куй железо, пока оно есть, как говорит наш Вагнер. Остроумный человек, между прочим, когда-то в одесском чемпионате КВН участвовал, а это тебе не что-нибудь! Точно. Пойду и стукнусь. Не пустит – ей же хуже. Пустит...

Что будет, если пустит, Аркадий не сказал. Как бы само собой подразумевалось.

Он натянул шорты, выскочил из комнаты. Послышался негромкий стук в стекло.

Нина не спала. Кровать стояла возле окна, створки были по летнему времени открыты, а само окно затянуто марлей.

Стук повторился.

– Чего тебе? – спросила Нина.

И Аркадий сразу же воспрянул: он не услышал в голосе жены ни злости, ни раздражения, ни даже обиды. Значит, успокоилась!

– Объяснить хочу, – сказал Аркадий. – Я к Анфисе приходил, чтобы ты знала, по делу. И в этот раз, и раньше.

Нина после мыслей о Торопком чувствовала себя виноватой, поэтому не стала слушать дальше.

– Ладно, замнем. В дом иди.

Аркадий впопыхах хотел отодрать марлю и влезть в окно.

– Комаров напустишь, через дверь! – велела Нина.

Она слышала, как Аркадий бегом поспешил к крыльцу, как споткнулся о ведро, ойкнул, выругался. И тихо засмеялась.

Анфисе в какой-то момент показалось, что она не руками и ногами обвивает Торопкого, а щупальцами, будто она и впрямь инопланетянка, превратившаяся в подобие осьминога, и сейчас задушит землянина, а потом выпьет из него кровь и опять станет похожей на туземцев, будет такой, как все.

Торопкий застонал, Анфиса испугалась, ослабила хватку.

– Ты чего?

Торопкий упал рядом, бурно дыша и улыбаясь. Даже если у нее что-то было с Аркадием, думал он, и что с того? Несправедливо, если вдуматься, что такая женщина принадлежит одному человеку. Но кто сказал, что жизнь справедлива? Кому везет, тот и счастлив.

Глава 9

Поки розумний думає, то дурень вже робить

12

Степа Мовчан любил дорогу.

Он любил фильмы про дорогу – те, что у американцев называются «роуд-муви». Там обычно что-то приключается. Едут себе люди, и к ним кто-то садится. Если странный мужчина, жди фильма ужасов. Если девушка, значит, будет про любовь. Хотя не гарантия, девушка может оказаться зомби или вампиром. А еще часто в таких фильмах кто-то от кого-то убегает. Или, наоборот, догоняет. Это интересно, но Степе больше всего нравятся те кадры, когда просто едут. Обычно под музыку. Кругом пустыня с кустами и камнями. Вдали горы. Только дорога, и больше ничего. И одинокая машина. Красиво.

Степе хотелось когда-нибудь попасть в те места и проехать там. Можно с девушкой, но лучше одному. Или так: когда хочешь, чтобы была девушка, она есть, а когда не хочешь, ее нет.

Дорога, мотели. Никто тебя ничем не достает. Ты едешь и едешь.

Например, такое кино: познакомишься в мотеле с девушкой, едешь с ней до другого мотеля. Там познакомишься с другой, лучше предыдущей. И опять дальше. От мотеля до мотеля. Кино так и будет называться: «От мотеля до мотеля».

Ничего себе, подумал Степа, я сочинил сценарий. Надо же. Человек не знает своих талантов.

Он думал про кино, чтобы не вспоминать о своих неприятностях.

Степа учился на предпоследнем курсе Белгородского юридического института МВД. Он попал туда не сразу. Сперва отец решил, что сыну неплохо бы послужить. Через знакомых устроил Степу в белгородский батальон ППС (патрульно-постовой службы). Что считается за службу в армии, то есть два зайца сразу.

Потом Степа вернулся в Грежин, поработал под началом отца, попросился продолжить обучение. В институт МВД его, уже служившего, взяли практически без экзаменов.

Началась молодая студенческая жизнь со всеми ее плюсами и минусами.

Откуда минусы? Оттуда, что Степу губили его доброта и отзывчивость. Это проклятие его жизни. Взять ту же Светлану Зобчик. Почему-то в школе все решили, что Степа должен за ней ходить. Так у них это называется: ходить. Степа признавал, что Светлана Зобчик красивая и умная девушка, но ходить не собирался. Ему и так было хорошо. Но все ждали, что он будет за ней ходить, и он начал ходить, чтобы не спрашивали, почему не ходит. Ничего такого между ними не было, но Степе казалось, что Светлана чего-то ждет. Однако он терпел, лишнего не говорил и не делал. И вот они танцевали на выпускном вечере. Степа танцевал молча. И Светлана молчала и была печальной. Ждет объяснения в любви, думал Степа. Он не хотел ее обидеть и сказал: «Я тебя люблю». Она ответила: «Это твои проблемы». Наверное, печаль у нее была от чего-то другого.

Степа обрадовался, что свободен. Но поселок маленький, Степа и Светлана постоянно сталкивались, и всегда вокруг были люди. И всегда эти люди со значением улыбались. Будто чего-то ждали.

Степа уезжал, приезжал, Светлана тоже приезжала и уезжала, и опять они пересекались, и зрело само собой общее мнение, что они наверняка поженятся. Уже начали впрямую спрашивать и его, и ее: когда свадьба-то у вас, чего тянете? Степа со смехом отмечал:

---

¹² Пока умный думает, дурак уже делает.

никакой свадьбы не будет, чего вы? Ему не верили. Светлана сердилась и просила отстать с дурацкими вопросами. Ей тоже не верили, считали, что стесняется.

Однажды был праздник, застолье, Трофим Сергеевич Мовчан посадил рядом с собой Михаила Михайловича Зобчика, отца Светланы, оказывая ему этим уважение, и в ходе веселья спросил:

– Ну что, Михал Михалыч, когда наши дети поженятся?

– Да хоть сейчас! – ответил Зобчик.

И пошел домой советоваться с женой Кристиной. Она была старше его на восемь лет, выше на полголовы и шире в плечах и считала себя умнее. В округе ее уважительно звали Кристиной Игоревной, она вела обширное домашнее хозяйство: свиньи, утки, гуси, поэтому семья жила крепко.

Кристина Игоревна сказала мужу:

– Миша, ты совсем дурак? Надо было согласиться!

– Я и согласился! Я сказал: хоть сейчас!

– Миша, когда люди говорят – хоть сейчас, это все равно что никогда! Он за издевательство это принял, будь уверен!

Зобчик недоумевал.

Меж тем Мовчан вовсе не принял ответ за издевательство. Он сказал сыну:

– Родители Светланы только и ждут, когда ты ей предложение сделаешь. Да и она тоже. Зачем откладывать?

– Доучиться хотел.

– Одно другому не мешает.

Степа хотел сказать отцу, что он не любит Светлану, в этом все и дело. Вот не любит, и все тут. Да, она красивая, но какая-то при этом чужая, встретишься с нею глазами и чувствуешь, будто тебя обдаёт холодом. Однако Степа привык быть хорошим сыном, не огорчающим родителей. Если он скажет отцу, что не любит Светлану, тот расстроится. Спросит: как можно не любить такую девушку? Спросит: кого же ты тогда любишь? И еще спросит: может, ты вообще не девушек любишь, а что-то другое? От этих не заданных, но вероятных вопросов Степу бросало в пот.

– Ладно, – сказал он. – Прямо завтра с ней и поговорю.

И действительно, с утра пошел к ее дому, караулил, когда Зобчик уедет на службу, а Кристина Игоревна на мотороллере с кузовом отправится объезжать грежинские столовые и кафе, где покупала задешево пищевые отходы для свиней. Постучал в окно комнаты Светланы, разбудив ее, она выглянула, он объяснил, зачем пришел.

– Я замуж в принципе не собираюсь, – сказала Светлана.

Степа сообщил об этом отцу.

– И ты поверил? – спросил Трофим Сергеевич. – Она тебе голову морочит! И что ты за мужчина, если сразу отказываешься от того, чего хочешь? Ты должен добиваться! Не собирается она замуж?! Другие за тебя счастливы до смерти пойти будут, а она не собирается! А ты как тетюх последний себя повел!

После этого Мовчан о чем-то беседовал с Зобчиком, а тот о чем-то говорил со Светланой. В результате Светлана позвонила Степе и сказала, что, если не прекратятся эти домогательства, она подаст на отца Степы в суд за использование служебного положения в личных целях.

Степе стало неприятно, он сказал отцу, что Светлана действительно в принципе не желает выходить замуж, Мовчан заподозрил неладное, выпытал у сына о звонке Светланы, разгневался, но на время затаился. А потом и произошла эта темная история с наездом на старуху. Зобчик попал под суд, Светлана напрямик пошла к Мовчану объясняться, а тот ей сказал:

– Ты, красавица, не лей щи в компот, не мешай одного с другим. Хотя, конечно, если ты подумаешь в должном направлении, все еще можно поменять.

Тогда Светлана обратилась к Степе с требовательной просьбой усюветить отца.

Тот попробовал, то есть пробормотал что-то отцу насчет того, что не надо бы так с Зобчиком.

– Согласилась, значит? – обрадовался Трофим Сергеевич.

– Нет.

– А чего же ты тогда?

– А что?

– А то! Своей цели надо уметь добиваться! Ладно, езжай, учись, но следующим летом, учти мое слово, будет у вас со Светланой свадьба! Потому что вы же идеальная пара, мы на вас с матерью заранее радуемся!

И Степа уехал. Учился он не хорошо, но и не плохо, чтобы не было проблем. Степа не любил проблем. Большинство проблем возникает из-за спиртных напитков и женщин. Степа не употреблял спиртных напитков и остерегался женщин. Ходил в тренажерный зал, занимался много и с удовольствием и быстро добился результатов. Тренер советовал ему пойти в бодибилдинг, но бодибилдинг вреден для здоровья, и Степа не пошел в бодибилдинг. В тренажерном зале у него появились друзья, у которых была русская национальная идея. Они не курили, не пили, занимались здоровьем и говорили умные слова о спасении этноса. Так как Степа тоже не курил и не пил, они решили, что и он сторонник русской национальной идеи. Вообще-то Степе нравилась русская национальная идея, и он этого не отрицал. Смотри, говорили они ему, сколько тут черных занимается. Степа смотрел и видел: черных было много. Но в мероприятиях новых друзей участия он не принимал. У него было три дела: учеба, тренажерный зал, а вечером он приходил к себе на съемную квартиру, куда никогда никого не приглашал, и смотрел каждый вечер по два-три фильма. В том числе, конечно, любимые руд-муви.

А этой зимой, в новогодние каникулы, возникла все-таки проблема. Приехал домой погостить, позвонил школьный друг, позвал к себе. У друга была большая компания. Сначала веселились дома, потом пошли ходить по поселку. Зашли на украинскую территорию. Там жила известная девушка Леся. У Леси оказалась шумная компания. Степа выпил шампанского, и его с непривычки повело. Как-то так вышло, что они с Лесей оказались в глухой комнатке. Я тебя всегда любила, а ты даже про меня не знал, упрекнула Леся. Поцелуй меня хоть раз. Степа поцеловал. Она его любовно щупала и говорила: никогда такой красоты вблизи не видела, дай глазами посмотреть, сними рубашку. Степа снял. Она набросилась на Степу и получила от него все, что хотела.

Через два месяца Леся позвонила ему в Белгород и сказала:

– Гуляешь там, веселишься? А я беременная, чтоб ты знал.

– При чем тут я? – испугался Степа.

– Хочешь тест на отцовство? – спросила Леся.

Степа пообещал все как-нибудь уладить.

– Как ты там уладишь? Давай-ка езжай сюда, если не хочешь, чтобы все узнали.

– Я могу только летом приехать, – сказал Степа. – Сейчас никак.

– Ладно, – сказала Леся. – Хоть это и позорище, выходить замуж на шестом или седьмом месяце, но я подожду.

И с тех пор ждала. Каждый день писала электронные письма и эсэмэски, рассказывая, как протекает беременность. Советовалась, какое имя дать будущему сыну. И каждое сообщение заканчивала стишком: «Ждем тебя, мой котик, я и мой животик».

От одной этой заботы сойдешь с ума, но судьба ошарашила Степу еще раз.

На майские праздники поехали молодой компанией на Донец, в Огурцов лес. Друзья, русские националисты, позволили себе расслабиться, выпили, с ними были девушки, тоже националистки. Одна из них, Тая, хвасталась умением бросать ножи. Приглашала желающих встать к дереву, а она попадет прямо над головой. Степа зачем-то встал. Потому что опять выпил. Впрочем, не только поэтому. Может, так его грызла тоска в предчувствии лета, что он втайне надеялся: пусть нож попадет в сердце, и все кончится. Или, ладно, пусть в глаз. Он тогда станет инвалидом, и Леся, быть может, передумает выходить за него замуж. Тая кинула и попала Степе в бедро. Неглубоко, но больно. Над нею смеялись. Степе было ее жалко. Все пошли к воде, Тая осталась. Степа снял штаны, она отсасывала кровь из раны. Говорила: слюна – лучший антисептик. Верь мне, я в медицинском колледже учусь. Потом перевязала, достав из чьей-то машины аптечку. А потом так получилось, что они пошли в кусты и там торопливо и жадно занялись друг другом. Главное, что помнит Степа: беспощадные комары, кусающие в голый зад. Руки были заняты Таей, поэтому он не мог прихлопнуть их, только пытался стряхнуть, энергично дергая задом, что комарам не доставило никакого беспокойства, зато Тая была очень довольна.

Тая в него влюбилась. Проникла в его заветную одинокую комнатку. Осталась там. «Я от тебя ничего не хочу, кроме взаимности», – призналась она Степе.

Через полтора месяца объявила о своей беременности. Сказала: это мы в первый раз не убереглись. Страсть была.

Степа сказал, что он почти женат. Его ждет невеста.

– И что мне делать? – спросила Тая. – Убить своего и твоего ребенка?

– Нет, – сказал Степа.

– А что? – спросила Тая.

Степа не знал, что ответить.

– Надо подумать, – сказал он. – Мне скоро надо съездить домой. Вернусь, и все решим.

– Мне тоже домой надо, – сказала Тая. – В Воронеж. Значит, до августа, сладкий?

– Да.

Но и этого мало! Перед самыми каникулами был организован рейд русских националистов с целью обнаружить подпольные наркопритоны и казино. Степу пригласили. Он не хотел, но согласился. И произошла странная история: вместе с сотрудниками полиции добровольцы накрыли притон, изъяли наркотики, карты, фишки, деньги, но тут ворвались какие-то другие полицейские, схватившие этих полицейских, а заодно Степу и его друзей. Запахло крупными неприятностями, приезжал Мовчан, помогал разрулить, Степа заверил его, что ни в чем не виноват. Дело официально было закрыто, но неофициально Степе сообщили, уже после отъезда отца, что в течение месяца он должен достать десять тысяч долларов, иначе все будет еще хуже, чем раньше.

Что мы получаем в остатке, который оказался больше, чем сама жизнь? – мрачно размышлял Степа. Мы получаем долг в десять тысяч, который неизвестно с чего отдавать (не продавать же машину!), и двух беременных девушек, которые хотят за него замуж. Плюс Светлана, которая сейчас в Грежине, да еще почему-то в тюрьме. Степа, когда узнал, спросил отца: за что? Тот ответил: неважно, там она сохраннее будет. Для тебя стараюсь. Вот приедешь, и тут же свадьбу сочиним!

В день отъезда к Степе заглянул один из кредиторов и сказал, что серьезные люди требуют аванс. Иначе долг вырастет в два раза. Но есть вариант: если Степе дорога честь Родины и жизнь русских людей, погибающих на юго-востоке Украины, он может принять личное участие. Условие: полная добровольность и анонимность. При этом ежемесячно – тысяча долларов. Легкое ранение – три тысячи, средней тяжести – пять, тяжелое без инвалидности – десять, с инвалидностью – двадцать пять.

– А если смерть? – спросил Степа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.